

МИХАИЛ ДОРИН

АВИАТОР 4
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 4

«Автор»

2023

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 4 / М. Дорин — «Автор», 2023

Мечта стать лётчиком вот-вот исполнится. В небо будут подброшены монеты, а годы напряжённой и увлекательной учёбы в лётном училище останутся позади. Впереди у лейтенанта Родина, служба в полку и, пожалуй, главное испытание всей жизни. Идёт 1980 год...

© Дорин М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 4

Глава 1

Глаза закрываются, и я начинаю дрожать от холода. Сознание понимает, что произошло, но руки пока не слушаются.

Прошло несколько секунд, прежде чем я смог нащупать рычаг управления двигателем. Он в положении «Малый газ», и если я не отключился, значит, нужно уходить вниз, где смогу дышать и не заснуть. И почему шлем не спасает меня сейчас?

В ушах продолжает звенеть, а я всё не могу настроить своё изображение и сфокусироваться хоть на каком-нибудь приборе. Ещё и непонятные какие-то кривые передо мной.

– Авиагоризонт, авиагоризонт... – шепчу про себя.

Вряд ли я сейчас слышу, что говорю. Среди тумана и каких-то линий, наконец-то показался прибор с силуэтом самолёта посередине. Ого, да у меня тангаж на снижение больше двадцати градусов и крен за сорок пять!

Только сейчас осознал, что правая рука держит ручку управления самолётом в положении вперёд и влево. Педали отклонены соразмерно, а я продолжаю снижение по спирали. И вроде есть чем вдохнуть, и голова начинает соображать, но пока ещё не могу определить своего местоположения. А по остеклению продолжает медленно ползти паутина. Похоже, фонарь кабины вот-вот раскрошится.

– Сопка... Восемьсот восьмидесятый... разрушение фонаря... снижаюсь, – сказал я в эфир, из последних сил нажимая на кнопку СПУ.

– Повторите, Восемьсот восьмидесятый, – прозвучал в ушах спокойный голос.

Твою дивизию! Глухие, что ли? Тут говорить тяжело, а он ничего не понял.

– Восемьсот восьмидесятый, повторите. Контроль высоты! – пытался до меня кто-то докричаться в эфир.

На другой канал я не переходил, значит, пока под управлением дальней зоны. ОБУшник продолжал свои отчаянные попытки меня дозваться, но нажимать на кнопку СПУ пока я не мог. Сил хватало, только чтобы отклонять ручку, а сами пальцы, будто заморозились.

Болевые ощущения от декомпрессии стали отступать. Однако мне было по-прежнему некомфортно в шлеме. Оглядев, насколько это можно, смотровой щиток изнутри и ощупав его снаружи, обнаружил небольшое отверстие. Значит, гермошлем мне теперь не помощник.

Внимание с авиагоризонта попробовал перенести на высотомер, да только паутина переместилась вместе со мной.

Точно!

Взгляд вправо, а там ничего. Влево, и там ничего. Совсем ничего. Откидной части фонаря просто нет, а та самая паутина – это растрескивание моего смотрового щитка. Долго ты до этого допирал, Серый! Забыл уже, как что-то прилетело в голову?

Приглядевшись, я обнаружил, что и передняя часть фонаря растрескалась полностью. Как бы не разлетелась на куски.

Стрелка подходила к отметке семь тысяч метров. На такой высоте, если верить расчётам и Инструкции лётчику МиГ-21, уже я не должен уснуть. Слегка отпустил на себя ручку управления, чтобы замедлить снижение, но получилось слишком резко. Самолёт чуть было не перешёл в горизонтальный полёт.

Указатель высоты и перепада давления, который ещё недавно показывал запредельные значения, восстанавливал показания. Будто говорил мне, что ситуация стабилизируется. Пока это ощущалось слабо. Точнее, через компрессионную одежду я мало что вообще мог ощущать.

Мне уже было не до закабинного пространства и сколько я пробил облаков на снижении. Всё равно было и на крики в эфир глухого ОБУшника, который не смог разобрать мой первый доклад. Хотя, может, это уже орёт руководитель полётами, включивший у себя на аварийной станции мой канал.

Теперь снижаться нужно дальше. В кресло вжимает изрядно. Позвоночник и живот, будто слились воедино. Вертикальную скорость даже не контролировал по вариометру, а она была в районе тридцати метров в секунду. Может и больше, но через мой обособленный смотровой щиток гермошлема не видно.

А вот давление кислорода в системе почему-то просматривалось хорошо. Оно сейчас уже совсем неактуально, поскольку у меня МиГ-21 в модификации «кабриолет».

Надо приноровиться и поворачивать голову под определённым углом, чтобы различать показания приборов. Визуально я могу смотреть только вбок.

– Сопка, занимаю четыре тысячи метров.

– Восемьсот восьмидесятый, не принимаю вас. Что у вас случилось? – запросил руководитель полётами, чей голос теперь я слышал отчётливо.

Рубаха засучилась, товарищ подполковник! Как бы мне хотелось ему так ответить, да боюсь, не поймут меня на земле потом. Тут ещё приземлиться, правда, надо.

Состояние полностью пришло в норму, как только занял высоту четыре тысячи. Рычаг управления двигателя пока рано переводить вперёд, так что пошли ещё снижаться.

– Восемьсот восьмидесятый, я Восемьсот четырнадцатый. Доложи, что произошло? – а это уже в эфире был голос Швабрина.

– Ох... – сумел произнести я в эфир, выдыхая от напряжения, но мимические морщины буквально застыли.

Ничего не получается сказать, будто залепили мне рот скотчем. Открыл щиток, чтобы лучше видеть приборы, да только мне как задуло в лицо. Лучше пока опустить.

– Сопка, Восемьсот четырнадцатый, наведите меня на Восемьсот восьмидесятого. Остаток позволяет.

– Восемьсот четырнадцатый, доложите остаток.

– Позволяет, – резко ответил Швабрин.

Сейчас и не вспомню, с кем он в одном самолёте летит. Хочет подлететь и посмотреть на меня. Ведь пытаюсь что-то сказать, но не получается. Эфир наполнился целеуказаниями от ОБУшника, который подводил ко мне Фёдоровича. Не видно ещё ни черта из этой схемы перед глазами.

Высоту две четыреста я занял и сразу перевёл самолёт в горизонтальный полёт, отклонив рычаг управления двигателем в соответствующее положение. Паутина на смотровом щитке позволяла мне видеть только пару приборов перед собой. Вся приборная доска мной не контролировалась.

Стоп! Я же нажимать могу. Выведя самолёт в горизонт, я включил на приборной панели сигнал «Бедствие». Сейчас на своих индикаторах обзорного радиолокатора группа руководства полётами увидит широкую метку. Так я обозначу себя и дам знать, что у меня проблемы. Хотя, это уже поняли все.

Попробовал я размять челюсть. Теперь могу говорить. Нажимаю кнопку самолётного переговорного устройства, а никак не идёт мой голос в эфир.

– Восемьсот восьмидесятый, мы вас наблюдаем. От вас идёт одно нажатие.

Похоже, когда шандарахнуло меня в голову, что-то и со связью произошло. Я отклонил голову назад, а на шею мне свесился и микрофон. Как мне так везёт, не пойму. Вроде такая мелочь, а без неё хрен что скажешь теперь.

Хотя, есть мысль, как передать информацию.

– Фи-ли-пооо-к, Ооо-кооо-лооо... – пытался шептать я про себя, в нужной последовательности делая короткие и длинные нажатия кнопки СПУ.

Азбуку Морзе, надеюсь, все понимают.

– Сопка... наблюдаю Восемьсот восьмидесятого. Восемьсот восьмидесятый, ответь Восемьсот четырнадцатому, – услышал я голос Швабрина, который прерывался в процессе моей передачи нажатиями. – Перестань морзянкой играть. Пристраиваюсь справа. Я на две сто. Занимаю две четыреста.

Ну вот, а так ведь хотел сумничать и передать информацию оригинальным способом. Хотя, я думаю, руководитель полётами уже и так понял, что у меня со связью проблемы. Хорошо, что не начал крутить меня, чтобы убедиться, что я слышу его.

Слышать-то я слышу, а вот сказать, как та собака, ничего не могу. Сделал три крена вправо и влево.

– Понял, Восемьсот восьмидесятый. Сопка, он нас принимает, но ответить не может, – снова вышел в эфир Швабрин.

– Восемьсот четырнадцатый, поняли вас. Борт у него порядок?

В метрах тридцати от меня справа показался конус воздухозаборника самолёта Фёдоровича.

– Сопка, у Восемьсот восьмидесятого разгерметизация. Сорвало фонарь. Пристраиваюсь справа, идём к вам парой.

– Понял вас. Контакт с ним установили?

В этот момент, я перехватил левой рукой ручку управления самолётом, и показал большой палец вверх. Надеюсь, увидят.

– Визуально он нас наблюдает. Восемьсот восьмидесятый, выхожу вперёд, давай за мной. Скорость по прибору пятьсот.

Щиток бы лучше поднять, а то мне так тяжело контролировать положение самолёта-лидера, но пока не было желания вдохнуть полной грудью забортного воздуха.

– Снижаемся, вертикальная пять, высота девятьсот, обороты восемьдесят пять. Паашли!

Медленно начали снижаться. Своё место я не контролировал, поскольку сейчас самолёт Швабрина для меня как собака-поводырь.

– Сопка, Восемьсот четырнадцатый, девятьсот заняли, курс на привод.

– Восемьсот четырнадцатый, понял. Посадку по одному рассчитывайте.

– Сопка, садимся парой. У Восемьсот восьмидесятого проблемы с приборами, видимо. Он идёт только за мной. Передняя часть, похоже, тоже повреждена.

Вот так раз! Щас я ещё и посадку парой отработаю, хотя этого мы ещё не проходили на МиГ-21. Но проблемы не закончились.

В щёку влетел осколок от смотрового щитка, и похоже, застрял в ней. Ещё один откололся, порезав шею. Хорош рисковать глазами. Придётся потерпеть ветерок. Подняв щиток, я вновь принял на себя мощный поток воздуха, который теперь ещё и теребил торчащий в моём лице осколок.

– Сопка, Восемьсот четырнадцатый занимаем курс ко второму.

Глаза начали слезиться, но я теперь мог отчётливо видеть приборы и своего ведущего. Но не все приборы были в порядке. Курсовой прибор показывал несуразные значения курса, стрелка высотомера застыла на уровне две тысячи сто. Верить можно было только авиагоризонту и самолёту Фёдоровича. Впереди уже был виден вытянутый серый прямоугольник полосы.

- Восемьсот четырнадцатый, парой на втором.
- Занимайте пятьсот к третьему, – дал команду руководитель полётами.
- Восемьсот четырнадцатый, понял. Разворот вправо, крен тридцать градусов.

Я повторял про себя всё, что говорил Швабрин, и следовал за ним. Слышимость в шлеме была уже не такой, поскольку поток воздуха сильно задувал внутрь.

На прямой до третьего разворота заняли необходимые пятьсот метров. По своим приборам и не проконтролировать высоту. Не всё у меня так хорошо работает. Радиовысотомер в этом отношении не очень точен, в отличие от барометрического. Он больше для полётов на предельно-малой высоте.

Уже одолевает меня усталость от этого полёта. Хорошо, что заходить будем с круга, а не двумя разворотами на сто восемьдесят. Быстрее получится оказаться на земле. Но нужно ещё сесть.

– Шасси... выпускаем... на раз... два, – специально делая разрывы между словами, командовал Швабрин. Этим он давал мне время нащупать кран шасси.

Обороты контролировать надо, чтобы не было сильной потери скорости. Сейчас тряска будет немного, по педалям побьёт. Это нормально при выходе взлётно-посадочных устройств.

- Третий, крен тридцать, скорость четыреста пятьдесят... установили. Паашли!

Разворот будет влево, а значит, я иду с принижением относительно Швабрина. Выпускаем закрылки, и далее начинаем снижаться с вертикальной три метра в секунду. К четвёртому развороту нужно уже занять триста метров.

- Сопка, Восемьсот четырнадцатый на четвёртом, заход парой с посадкой.

- Восемьсот четырнадцатый, заход, – ответил руководитель полётами.

– Влево, крен тридцать градусов, не снижайся. Паашли! – спокойно говорил Швабрин. – Сопка, не мешать.

Вышли из четвёртого разворота. Поздно начал прибирать обороты, поэтому и поравнялся с Федоровичем.

– Обороты шестьдесят пять и продолжаем уменьшать. Не резко. Ручку слегка на себя. Сейчас пройдем дальний.

Сработал маркер дальнего привода. Даже в таком шуме воздушного потока звуковое обозначение пролёта слышно отчётливо.

- Выравниваем. Подходим к полосе. Взгляд влево и вперёд.

Обороты уменьшаю на «Малый газ», ручку ещё на себя, чтобы аккуратно приземлить самолёт на основные стойки.

- Касание... и теперь нос. Тормозной выпускай.

Выпускаю, да только торможения нет.

– Оборвал парашют, тормози, – спокойно сказал Швабрин, который уже не движется со мной параллельно.

Торможу, но чувствую, что не так останавливается самолёт. Перед собой ничего не видно из-за растрескивания передней части. Мимо пронеслась вторая рулёрка.

Убрал закрылки, а тормозной рычаг отпустил полностью. Автомат растормаживания выключил и снова давлю на рычаг. Не помогает.

– Аварийно тормози. С полосы уйдёшь, – подсказывал мне помощник руководителя полётами.

- Рычаг управления двигателем в положение «Стоп», и торможу аварийно.

Самолёт немного начинает носить по полосе. Главное, чтобы Швабрин позади меня не догнал.

Вроде всё замедляется. Вот третья рулёрка справа от меня, но скорость уже не такая. До конца полосы остановлюсь. Скорость к четвёртой рулёрке снизилась достаточно, чтобы

можно было сходу войти в поворот. По инерции так я и съехал. Проехав несколько метров, мой самолёт, наконец-то, остановился.

– Всё равно, это лучшая работа в мире, – сказал я вслух, скидывая с себя гермошлем.

Только сейчас почувствовал, как жжёт в местах, куда попали осколки от смотрового щитка. Ко мне уже спешил различный спецтранспорт. Начиная с пожарной машины и заканчивая командирским УАЗиком. Я же продолжал кайфовать и расслабляться под весенним солнцем Белогорска, сидя в своём «кабриолете».

Самочувствие после такого полёта было вполне нормальным. Немного ломило шею, но это больше от перенапряжения. Две царапины от осколков тоже не тянут на серьёзное ранение. Тем не менее, начальник медицинской службы полка принялся осматривать меня прямо в кабине.

– Товарищ капитан, ну давайте без осмотра? – уговаривал я его.

– Ничего не знаю, Родин. Положено. Я за твою жизнь потом отвечать не хочу.

– Блин, ну мне надо поскорее выйти отсюда... – сказал я, намекая на внезапный приступ диареи у меня.

– Потом. Давай в санитарный автомобиль. Едем в кабинет, там и разденешься заодно.

Привезли меня в здание высотного снаряжения сразу же, как только я вылез из кабины. Даже Добров не стал ничего у меня спрашивать возле самолёта, а решил перенести расспросы сюда. Даже снять ВКК не дали с себя!

– Сейчас тебе помогут всё снять. Как так получилось, Родин? – спросил Добров, похлопав меня по плечу.

В комбинезоне становится жарковато и, жуть, как неудобно. Ещё и живот скрутило. Я только открыл рот, чтобы попроситься отойти и только потом начать свой рассказ, в кабинет ворвался Швабрин.

– Потом, я сказал, – крикнул он на кого-то в коридоре перед тем, как захлопнуть дверь. – Серый, чё за... ерунда? Виноват, товарищ командир! – вытянулся он в струнку.

– Ну-ну, Иван Фёдорович. Тоже хотите расспросить своего подопечного? Надо бы дать ему передохнуть и снять с себя ВКК.

– Так точно. Давай помогу, – ломанулся ко мне Швабрин, но я остановил его жестом.

– Не могу я сейчас рассказывать. Если вы про неприятности, которые выпадают на мою задницу, то я не специально раздолбал фонарь.

– Да я не про это. Чего молчал? Что с приборами?

Ну не отстанут от меня! Краткий пересказ слушали все присутствующие, затаив дыхание. Девушка-фельдшер с тёмными волосами, выбивающимися из колпака, перед началом моего допроса обработала мне лицо. Слушала она очень внимательно, нервно вздрогнув в моменте с ударом по голове. Брюнетка средних лет принялась судорожно капать себе успокоительного.

Швабрин и Добров слушали внимательно, только изредка кивая головой.

– А потом я срулил в рулёмку, и вот я перед вами. Товарищ командир, разрешите, я пойду, переоденусь?

При этих словах в кабинет постучалась ещё и Леночка Петровна. Спросив разрешение войти, она получила утвердительный ответ. Да сколько можно меня муржить!

Майорова только слегка сдвинула очки, осмотрев собравшихся. Особенно её привлекла фельдшер, продолжающая накапывать себе успокоительного в столовую ложку.

– Мы с ним потом пообщаемся, Геннадий Павлович, – сказала она. – Я свою работу здесь закончила.

– Тогда, прошу в мой автомобиль. Водитель вас отвезёт обратно, – сказал Добров, открывая дверь перед психологом. – Швабрин, раз уже переоделся, сразу в кабинет. Родин – как снимешь ВКК. И Реброву пока на глаза не попадайся, а то... – не успел Добров закончить фразу и выйти с Майоровой из кабинета.

На улице слышались крики и ругательства Реброва на весь белый свет ещё на подходе к зданию. Даже Майорова не удержалась и расплылась в улыбке. Добров лишь покачал головой.

– Ну сколько можно! Почему опять этот Родин заимел на свои французские булки очередные неприятности? Как ты его готовил? – кричал Вольфрамovich на кого-то.

– Командир, всё сделал парнишка правильно. Хорошо подготовили... – пытался этот кто-то оправдаться. По голосу смахивал на Валентиновича.

– Да знаю, что он хорош. Как самолёт осматривали, что он теперь на люльку от мотоцикла похож? Что с тормозами, я теперь тебя спрашиваю? – не унимался Ребров.

– Товарищ командир, я ж только недавно к вам перевёлся. Не знаком ещё с особенностями истребителей, – отвечал ему другой человек.

Им был, судя по голосу, новый инженер комплекса. Старший лейтенант, которого перевели с транспортной авиации.

– Да кто вас таких выпускает? Раньше что обслуживал?

– Ан-2, товарищ командир.

– Я тебе твои «кукурузники» ещё припомню, Олежа. Вон пошли, мне надо ещё в дёсна расцеловать нашего... – недоговорил Ребров, поскольку вошёл он в коридор и оказался, видимо, лицом к лицу с Майоровой и Добровым. – Могу и вас, Елена Петровна, но я женат. Поймут неправильно.

Никто не смог сдержать улыбок или смеха.

– Товарищ командир, разрешите я переоденусь? Очень надо, – уже, практически прямо намекал я на свою надобность в туалете.

На меня почему-то никто не обратил внимания, за исключением Леночки Петровны. Ну не вовремя она пришла. И ведь не крикнешь, что у тебя сейчас из ушей ползет.

– А почему бы и нет. Сергей, ты согласен? – повернулся ко мне командир.

– Товарищ полковник, я соглашусь на всё, только разрешите мне переодеться?

– Сергей, у меня времени мало. Ты можешь переодеваться и беседовать со мной, – сказала Майорова.

– Всё, Родин, беседуешь. Пока растёгивайся, а парни твои сейчас придут и помогут тебе. Вольфрамыч, со мной на разбор. Иван Фёдорович – в кабинете ожидай меня.

Как тут откажешь командиру! Тем более, когда просит Леночка. Да только есть проблема, и она назревает в моём животе и мочевом пузыре.

– Попрошу освободить помещение, товарищи офицеры и медики, – сказала она, снимая с себя тонкое бежевое пальто.

Глава 2

Кабинет медицинского осмотра освободился очень быстро.

– Сергей, если тебе не хочется сейчас говорить, давай потом. Не такая уж срочная тема, чтобы после аварии обсуждать этот вопрос. Тем более, в этом комбинезоне не совсем комфортно.

Потом всё равно идти к ней. Там беседа будет ещё дольше. Не то, чтобы я плохо относился ко всему, что связано с психологией. Просто в данной обстановке всё будет гораздо быстрее.

– Нормально. Я в порядке. Можем и поговорить, – подтвердил я.

Пока ещё не было критической ситуации с животом, так что можно и пообщаться. Сейчас и парни должны подойти. Тут мы и закончим.

– Есть разговор, и уж прости, что вот так приходится разговаривать. О будущем хочу поговорить твоём.

– Не тот момент, чтобы разговаривать о моём распределении. Тебя кто попросил со мной поговорить?

Елена сделала удивлённое лицо и решила снять очки.

– Я не о твоём будущем как летчика. О семье. Вы сколько уже с Женей?

– Достаточно долго.

– И нет мыслей о свадьбе?

– Размышления, я бы сказал. Встречный вопрос, Елена Петровна, а у вас? В мужа не себя предлагаю, – улыбнулся я.

– И у нас размышления, но не уходи от темы. Почему ты не решишься?

И правда, что меня останавливает? Пожалуй, только моё желание и мысль, что это удобно, просто быть в отношениях друг с другом. Да только я понимаю, насколько Женя меня любит и не хочет отпускать. А тут и выпуск не за горами. Вот точно упростила Леночку Петровну со мной побеседовать на эту тему! И в такой момент. Это я не про аварию сейчас.

– Этот вопрос пока не имеет ответа, – ответил я.

– Тебя никто не торопит. Просто, не предавай любимого человека. Тем более, что ей сейчас очень плохо. Она до сих пор не отошла от смерти отца.

Я как бы тоже не отошел от полёта в стратосферу, и тему подняла Леночка очень щепетильную.

Но, похоже, запас прочности моего желудочно-кишечного тракта начинает сходить на нет. Мне бы сейчас очень хотелось в эскадрильский галюн попасть, а приходится сидеть и терпеть. Как-то внезапно мне захотелось «попудрить носик».

– Вижу, что ты хочешь уйти от этого разговора, – сказала она.

– Просто не очень сейчас момент...

– Сергей, бояться брака не надо. Для многих семейное счастье — важнейший жизненный приоритет.

– Я и не боюсь. Просто, не знаю, как тебе это сказать.

Леночка встала со своего места и подошла ко мне ближе. Вот эти её паузы во фразах ещё больше приближают меня к разрыву «очага».

– Сергей, я наблюдала и увидела в вас с Женей признаки настоящей счастливой семьи.

– Оу, так это было заметно?

– Конечно. Вот смотри. Терпимость и уважение друг к другу.

Это да. Терпеть – это про меня. Женя пару раз выкидывала номера на почве ревности.

– Доверие между вами.

Противоречит моим предыдущим мыслям, но в целом, мне верят, и я тоже в своей Жене не сомневаюсь.

– Да, мы такие подходящие друг к другу. Может, уже закончим? – спросил я, сильнее сжимаясь в районе живота.

Неужели после перегрузок такой эффект может быть?

– Подожди. Вы заботитесь друг о друге. Я вижу, как ты её постоянно поддерживаешь после смерти Константина Юрьевича.

– Мне не тяжело. А вот... – чуть было напрямую не начал ей говорить, что нет уже сил у меня терпеть.

– Сергей, я не понимаю тебя. Чего ты сжался-то весь?

Ну, сама напросилась! Не хотел я показаться бестактным, но кажется, придётся.

– Лена, у меня сейчас задница взорвётся с мочевым пузырём на пару. Отпусти в туалет, а? Леночка посмеялась и махнула мне на дверь. Ей смешно, а я без посторонней помощи снять комбинезон не смогу. В этот момент как раз и вошли два молодца.

– Быстрее, быстрее, мужики! – взмолился я, когда Костян и Вася Басолбасов сдирали с меня рукава.

– Серый, терпи. Тяжело, но терпи! Хуже будет, если не дотерпишь, – приговаривал Макс, стоя напротив меня и оказывая моральную поддержку.

– Курков, на минуту зайди к психологу, – прибежал кто-то из ребят позвать Макса.

– Серёга, ну... тут...

– Беги, без тебя дотерплю.

Через пару минут и нескольких громких предложений истинно русского мата, я выбрался из высотного костюма. Бежал я, словно алкаш за водкой. И в тот момент, когда я всё-таки успел, не было более счастливого человека, чем я.

После душераздирающих и не только её раздирающих мгновений облегчения, я вышел из деревянной будки эскадрильского туалета. Торопясь на очко, я даже и не подумал, что бегу в одних «семейных» трусах в горошек и майке. Так я и стоял в расслабленном состоянии, проводя гигиенические процедуры со своими руками у обыкновенного рукомойника дачного типа. И вот именно в этот момент, когда я так отлично... сходил, из здания высотного снаряжения вышла Елена Петровна и Гелий Вольфрамovich.

– Хорошие у меня ребята, Елена Петровна. И проблем с ними мало последнее время. Вы же вот с Родиным... общались, – уставился на меня Ребров, окрашиваясь на глазах в красный цвет. – Колебать мой контур, Родин.

– Виноват, товарищ командир.

Немая сцена была ознаменована ещё и милым смехом Елены Петровны. То ли цвет моего нижнего белья её так развеселил, то ли вся эта ситуация. Одно понятно – сегодня меня ждёт пыточная у Реброва.

Вольфрамovich по-быстрому увёл Майорову с моего пути, грозя мне своим кулаком. Но сейчас мне было всё равно. Надо было уже одеваться поскорее.

– Эээ, чудище! – крикнул, буквально, мне у входа кто-то из лётчиков-инструкторов. Лицо было знакомо, но он явно не с нашей третьей пьющей. – Ты не оборзел в таком виде ходить?

– Виноват. Я просто после полёта в ВКК...

– Фамилия твоя, клоун? – не дослушал он меня.

– Родин.

– Ты чей, Родин? Не учили тебя представляться, как следует? – продолжил меня допрашивать этот неприятный тип.

Волосы зализаны назад, нос картошкой и взгляд, как у маньяка-убийцы. И чего доколебался до меня?

– Виноват, но вашего звания и должности не знаю.

– Ты оборзел, курсант Родин? – продолжал играть на публику «картофельный нос». – Одевайся и пойдём со мной к командиру эскадрильи. Кто у тебя?

– Подполковник Ребров.

– Третья «алкашная». Понятно тогда. Вечно вы своего командира подставляете. А ну, дыхни на меня. Может, ты уже успел потребить?

Насчёт «алкашной» звучало обидно. Да ещё и стоять в трусах и майке было уже некомфортно.

– Вы позволите, я пойду, оденусь? – сказал я, пытаюсь пройти мимо этого человека.

– Дыхни, сказал, курсант! – воскликнул он, схватив меня за плечо.

Вот бы сейчас выкрутить его кисть и посмотреть, как он будет выкручиваться. А нельзя, офицер, всё-таки. Наверняка ещё и дипломированный. Надоел он! Освободиться как-то надо от его гнёта?

Вспомнил! Капитан Гнётов из первой эскадрильи. Старший лётчик-инструктор и редкостная мразь по рассказам других курсантов.

– Не буду я дышать. Я не употреблял, и не надо нашу эскадрилью называть «алкашной». Она, между прочим, по лётной подготовке впереди вашей и остальных. И прозвище «пьющая» ей не мешает. Ваша, первая эскадрилья, на месте под кодовым названием «Двадцать один»?

– А ты, значит, вспомнил кто я? Прекрасно. Собирайся и пошли к командиру твоему.

Со спины Гнётова показалась физиономия Валентиновича. Командир звена тут же нахмурил брови, видя подобную сцену.

– Идти не надо никуда, товарищи. Здесь я уже, – сказал он, выходя перед Гнётовым.

– Роман Валентинович, вот, учу вашего курсанта манерам. Внешний вид заметил, какой у него?

– Григорий Максимыч, у вас других дел нет, как вот только моих курсантов за трусы ловить? – усмехнулся Новиков. – Родин, на высотку, а то простудишься... в каком-нибудь месте.

– Я с ним не закончил, Валентинович, – возразил Гнётов.

Сначала я немного застопорился, увидев меняющееся лицо Валентиновича. Он всем видом мне показывал, что недоволен моим торможением.

– Курсант Родин, шагоммарш на «высотку», – дал мне команду Новиков, и я не смел задерживаться ни на секунду.

Как-то эта беседа несильно у меня отложилась в голове, поскольку сегодня предстояла ещё куча селекторов. На очереди был разговор у Доброва после ужина.

Состоялись эти переговоры в четырёхстороннем формате в кабинете командира. Он знал мою версию событий и материалы объективного контроля. Теперь же предстояло сделать выводы. Предварительные, конечно.

– Итак, что в итоге. Разрушение фонаря, разгерметизация, растрескивание смотрового щитка гермошлема курсанта, – продолжал Добров перечислять весь список бед, свалившихся на меня сегодня. – Частичный отказ радиосвязи, отказ курсового прибора и высотомера. Это в воздухе.

– Товарищ командир, сегодня курсант Родин полностью подтвердил поговорку «Беда не приходит одна», – сказал Ребров, сидевший за столом напротив Доброва.

– Согласен. Ну и на закуску – обрыв тормозного парашюта и отказ тормозной системы. Ничего не пропустил, Сергей Сергеевич? – спросил он у меня.

– Никак нет, товарищ полковник.

– А всё-таки пропустил. Да, Иван Фёдорович? – обратился Добров к Швабрину.

– Посадка с аварийным остатком, – сказал Фёдорович.

Вот так номер! Швабрин очень рисковал, пытаясь мне помочь. Он же был не один в самолёте, и тем не менее пошёл на выручку. С моими приборами было бы сложно зайти на посадку, вот он и вызвался лидером ко мне.

– Ладно, со старшим лейтенантом Швабриным поговорим отдельно. Есть что добавить у командира эскадрильи? – спросил Добров у Реброва.

– Никак нет. Мы отдельно обсудим этот случай на полном разборе в эскадрильи. Действия обоих считаю правильными, товарищ командир, – сказал Вольфрамovich, взглянув на нас.

– Да. По мне так главное, что все живы и здоровы. Самолётов, если что, нам промышленность ещё построит, если этот не починим. Оба свободны, отдыхать, – произнёс бодро командир и подошёл к нам, чтобы пожать руку каждому.

За дверями кабинета мы перекинулись парой фраз с Фёдоровичем, пока ждали Реброва.

– Спасибо, Иван Фёдорович. Выручили всё-таки, – начал я первым обсуждение.

– Не стоит. Это было нужно.

– Вы уж не обижайтесь, но ведь меня могли и «по командам с земли» завести на посадку. Возможно, не нужно было рисковать? – спросил я.

– Об этом в тот момент не думал. Может, и слишком было рискованно, однако все сели и хорошо...

Из кабинета командира выскочил Ребров, которого снова накрывала краснота. Пару секунд молчаливой сцены нам потребовалось понять, что он отправляет нас в свой кабинет. Здесь он продолжил молчать и только вопросительно смотрел на нас.

– Я не знаю, как так получается у меня, товарищ подполковник, – сказал я, и Ребров смиренно кивнул. Далее он начал сверлить взглядом Швабрина.

– Все на земле, а это главное. Вывод командира полка, Гелий Вольфрамovich, – сказал мой инструктор.

– Здесь соглашусь. Я сейчас о другом. С полётом мы разобрались, а вот что будем дарить товарищу Рыжову?

Совершенно вылетело из головы сегодняшнее радостное событие. Тёмыч стал отцом!

– Командир, стандартная такса на покупку детской коляски, правильно? – спросил Фёдорович.

– Да я уже и не помню, сколько стоит коляска. Мои уже выросли давно. Родин, сколько нынче коляска стоит? – спросил у меня Ребров.

Нашёл кого спрашивать! Детей только на расстоянии видел.

– Не могу знать, товарищ подполковник. Мне такие заботы пока не грозят.

– Эх, вот и не заметишь, как и твоё время придёт по ночам не спать, а утром на полёты вставать невыспавшимся. Я это прошёл и знаете что, птенцы Белогорского гнезда? – Ребров подошёл к сейфу, повернул ключ, мощно пнул его и тот послушно открылся. – Это самое замечательное, что может с вами случиться.

Комэска достал из сейфа пару плиток шоколада «Кола». Одну плитку дал мне. Интересно, что на голубой пачке с непонятным обрамлением, была написана фраза: «Детям шоколад «Кола» давать нельзя».

– Ты Родин, уж извини, мал ещё. А мы с Фёдоровичем подумаем пока о таксе на коляску. Беги в казарму, подумаете о подарке своим коллективом.

Закрыв за собой дверь, я ещё некоторое время разглядывал плитку этого известного шоколада. Его особенность в том, что у него была очень насыщенная ингредиентами рецептура. Благодаря добавкам, «Колу» использовали как антистрессовый и укрепляющий продукт с тонизирующими свойствами. На этикетке, вдобавок к запрету употребления детьми, как раз написано, что по нормам применения, обычно одна-две дольки в сутки. Сомневаюсь, что дети не кушали этот продукт.

Отходя от кабинета, я услышал за дверью обрывки тоста за новорождённого и тихий звон стопок.

В казарме подготовка к празднованию радостного события в жизни нашего товарища шла полным ходом. Теперь наш рыжий друг Тёмыч стал отцом, и он, как мне кажется, ещё пока не особо осознаёт себя в этой роли.

Столы вынесены на центральный проход. Из авосек и коробок вытаскиваются кастрюли, тарелки и другие сосуды. В воздухе витает праздничная смесь салатов, варёного и жареного. Из нашей «Электроники-311с» играет «Шокинг Блю», наполняя расположение еще большей атмосферой праздника.

Без помощи четы Рыжовых и всей станицы Кучугуевской такое приготовить нереально. Представляю, что сейчас происходит там.

– Тесть сегодня на отпуск написал сразу. Борщев отпустил, – сказал Артём, выкладывая из банок соленья.

– Понял, что просто так с Кучугуевки ему не уехать? – посмеялся я вместе с ним.

– Алевтина Егоровна как знала, что нужно на целый взвод готовить, – сказал Макс, раскрывая ещё пару коробок. – Знаменитый компот твоих родителей. Или это от Никодимыча подгон?

– От него в другой коробке, – сказал Тёмыч.

– Артём, ну ты уже держал богатыря своего? – спросил я.

– Да пока не дали. Смена там сегодня в роддоме строгая. Пришлось в окно смотреть. Хорошо Новиков бинокль скомуниздил у помощника со старта и мне дал. Я своего сына и разглядел.

– Ну и как? На кого похож? – интересовался Костян.

– Вроде на ребёнка. Только... там непонятно, мужики. И рыжий, и смуглый, и глаза на месте. Цвет не видел в бинокль. Но мне вот, прям, на душе хорошо, мужики.

В нашем взводе это первый случай, когда у кого-то родился ребёнок. Вспоминая посиделки по таким поводам в своей прошлой жизни, наполнены они были кучей разговоров о будущих проблемах молодых отцов.

Мол, когда становишься отцом, помни, что ты – родитель. В первые полгода о спокойном сне можно забыть, потому что малыш будет просыпаться по ночам и плакать, ему нужно будет менять пелёнки.

О личной жизни тоже придётся забыть, как и о супружеских долгах. Мать ведь тоже устает. Возможно, даже больше, чем отец.

Все потихоньку расселись, и слово взял наш заместитель командира взвода Макс.

– Короче, Тёмыч, давай за тебя... а, кстати, чего не налито у нас? – спросил он.

– Вот, а самое-то главное забыли достать, – сказал я и отправился к ящику, в котором были несколько двухлитровых стеклянных банок с прозрачной жидкостью.

По одной выставив на столы, я попросил штык-нож у одного из наряда по роте. К слову, на тумбочке не было никого. Все за столом в ожидании первого тоста за рождение сына Артёма.

– А как назвали? – спросил Костя. – Ты же так и не сказал.

– Света захотела Серёгой. А я и не против. Родин у нас в очередной раз сегодня проявил чудеса в полёте...

– Никаких чудес. Делал всё, как учили. Вы все бы справились, – ответил я, занося над крышкой нож, чтобы продырявить крышку.

Во входную дверь постучались нашим условным кодом. Его обычно знали только свои. Опасности никакой не было.

Пока шли обсуждения и предположения качества напитка, который я собирался открыть, один из дневальных пошёл к двери. И почему я чувствую какой-то подвох в этом приходе. Осмотрев стол, я не обнаружил отсутствия наших ребят.

– Стой! – крикнул я, убирая под стол банку, которую только что хотел открыть, но было уже поздно.

Засов предательски щёлкнул.

– Чего делаем, третья эскадрилья? – зашёл в казарму Гнётов.

Глава 3

Когда капитан увидел, на какое мероприятие он попал, глаза этого зализанного воспитывали в предвкушении снятия сливок от наказания нашей эскадрильи. Это ж всегда так – хорошо тогда, когда другим плохо.

Наш магнитофон как раз заиграл бессмертную композицию группы «Кридэнс» про сына удачи.

«Но, когда сборщик налогов заходит в дверь, боже, дом становится похож на распродажухлама», – звучал второй куплет этой песни.

– Хорошо... нет не так... круто живёте, товарищи курсанты, – подошёл он к нашей «Электронике» и нажал на «Стоп». – Столы, музыка, кушанья, а то, что по распорядку дня сейчас должна быть вечерняя прогулка, вы и не в курсе, да? – подошёл к столам Гнётов. – А чего мы не встаём, когда офицер перед вами. Вас к четвёртому курсу не научили этому ещё?

Все медленно поднялись с табуреток, всем видом показывая отвращение этому человеку. Однако, он будто питался от нас этой злобой и ещё больше улыбался.

– Вот видите. Всё очень даже просто. Так что празднуете? – продолжил он свой поход вокруг сдвинутых столов.

– У меня сын родился, товарищ капитан. Можете присоединиться к нам... – начал говорить Артём.

– Спасибо. На ночь наедаться вредно. С рождением поздравляю, – без особой искренности бросил Гнётов крайнюю фразу. – Ты вот сам чего здесь делаешь? – спросил он у него.

– Это наша казарма, вот мы здесь и...

– Я про другое, балбес. Чего не пошёл отмечать с роднёй, а решил с парнями своими?

– У родных застолье. Супругу я проведаль. Да и ребят хотел угостить.

– Ну это не угостить, а накормить прямо! А вот скажи мне... как тебя зовут? – подошёл Гнётов поближе к Тёмычу.

– Артём.

– Разве так представляются старшему по званию? Фамилия твоя, – наехал на него капитан.

У него прям пунтик на фамилиях и правильном подходе. Любит себя и своё положение.

– Товарищ капитан, это курсант Рыжов, – начал говорить Макс, подойдя к ним ближе. – У человека событие радостное, вот мы и решили отметить.

– В отпуске отметите. Ты замком взвода, что ли? Видел тебя где-то. К психологу постоянно бегаешь. С головой не всё хорошо? – сощурился Гнётов.

Ох, щас бы его огреть чем-нибудь. Не сильно, но чтобы запомнил. Макс сильно напряг свои скулы, чтобы не высказать что-либо в ответ. А ведь специально этот Гриша Гнётов припёрся. Запомнил сегодняшнюю нашу стычку у здания высотного снаряжения. Валентинович его, видать, хорошо на место поставил после моего ухода. Решил отыграться на нас.

– Наоборот. Всё замечательно, товарищ капитан, – проговорил Макс сквозь зубы.

– Тебе чего-то не нравится, сержант, или кто ты там по своему званию? Думаете, если у товарища праздник и вы четвёртый курс, то всё можно! Гуляем, ребята! – начал скакать перед нами Григорий Максимович.

Мерзко выглядит. И как это раньше меня обходили стороной встречи с ним? Обычно, мне везёт на таких вот... субъектов.

– Ладно. Садитесь, – сказал Гнётов, и мы спокойно сели на свои табуретки. – Слушай, Рыжов, а чего это ты решил стать отцом? Или у вас с ней... ну...

Это он зря! Хоть бы только Артём сдержался.

– Товарищ капитан, – встал я с табуретки, опережая действия Тёмыча, который уже налился краской. – А вы в нашем училище учились?

Надо, чтобы этот гoblin на меня переключился. Правда, у меня под ногами алкогольная продукция. Мои реплики могут завлечь Гнётова и на эту приманку.

– Я тебе разрешил обращаться, Родин? Ты мне сегодня уже надоел...

– Ответьте на вопрос. Что тут такого.

– Ты кто такой, чтоб мне вопросы задавать, щегол?

О, парень, я гораздо тебя старше. И сейчас мне всё равно.

– Просто, будь вы выпускником Белогорского училища, вы бы знали, кто у Артёма тесть. Может, вам стоит извиниться за сказанное?

– Сосунок. Перед кем извиниться? Рыжим недоразумением или недоразвитым вроде тебя? – перешёл на оскорбления Гнётов.

– А вот оскорблять нас не надо. Казарма-то, закрыта, товарищ капитан, – сказал я.

Зря я, наверное, сейчас начал угрожать офицеру. Можно и получить за такое. Хотя... четвёртый курс, думаю, простят. Тем более, что кроме слов Гнётова, который, выходит, не любит третью эскадрилью, доказательств нет. Парни с моего взвода меня не сдадут.

– Два шага назад, товарищ курсант. Это приказ, – спокойно произнёс капитан. – Чего у тебя там под столом?

Здесь лучше не спорить. Хоть, и я на своём поле, но есть Устав. Надо подчиниться. Правда, влетит теперь нам. Будем давить на то, что никто не знал, что в банках.

– Давай проверим, а? – сказал Гнётов, подходя к моей табуретке и доставая так и не открытую мной банку.

В глазах ребят начала угасать надежда, что спесь с этого зализанного сошла. Правда, её ещё нужно открыть.

– Думаете, я идиоти не понимаю для чего это застолье? Выпить захотелось в честь рождения ребёнка? – продолжил он наслаждаться своей победой, доставая из специального кармана стропорез.

В данный момент он и, правда, был похож на маньяка. Так у него горели глаза, когда он делал разрез в крышке.

– Кружку придвинь, – сказал он мне, указывая на железную посуду. – Может быть, ты теперь извиниться надумал, герой? – спросил Гнётов, наливая из банки.

– Было бы за что, всё равно бы не извинился, товарищ капитан.

– А я давал тебе шанс.

Капитан поставил банку, взял кружку и начал опробовать переданный нам Никодимовичем продукт. Вот и всё! Теперь нужно смотреть, что скажет Гнётов после пробы.

Странная реакция у этого парня на целую кружку самогона. Не передёрнуло даже. А рожа недовольная – просто жуть! Будто у него есть «Ламборгини» и этот спорткар только что поцарапал на «Запорожце» пенсионер.

– Гадость какая. Лучше бы реально самогон притащили. Через час приду, проверю, что вы в кроватях, – погрозил нам пальцем Гнётов и направился к двери.

Никто не сдвинулся с места, пока дверь не закрылась. Сам я совершенно ничего не мог понять, почему этот непонятный элемент сначала испортил нам настроение, угрожал, был на грани нашего разоблачения в вопросе спиртного, а потом просто ушёл после всего одной кружки самогона.

– Может, ему самогон не понравился? – предположил Тёмыч. – Отец говорит, что у Никодимыча вечно тухляк получается. Пить невозможно.

Странно, что и запаха нет от этого народного продукта. Самогон издаёт специфический аромат, если только Никодимович не открыл новый секрет приготовления.

– Сейчас проверим, – сказал я и налил себе немного в кружку.

– Не пей из этой кружки. Заразишься ещё дебилизмом от Гнётова, – предостерёг меня Макс.

– Ну чего там? – спросил он, когда я испил прозрачной жидкости.

– Тёмыч, не знаю, как самогон, но берёзовый сок Никодимыч делать умеет, – улыбнулся я, и весь взвод облегчённо выдохнул.

Пришлось нам без горячительных напитков отметить рождение моего тёзки и сына нашего друга. А сок и, правда, отменный получился!

Прошло пару недель с момента моего полёт без фонаря на больших высотах. В причинах данного инцидента особо не разбирались, поскольку и самолёт цел, и у меня проблем не было со здоровьем.

Поработали специалисты по безопасности полётов из самого управления Белогорского училища, сделали выводы, и вернулись к своим обычным делам. Основной причиной, как обычно бывает во многих подобных случаях, был объявлен износ конструкции.

– Как выразился командир по итогам расследования нашего инцидента, главное – все живы и здоровы, – объяснил в большом классе эскадрильи Ребров на очередном контроле готовности. – Теперь о завтрашних полётах. Наши повзрослевшие птенчики приступают к нанесению ударов по полигону с МиГ-21.

А вот это уже будет интересно. Как объявил нам на постановке комэска, работать будем неуправляемыми авиационными ракетами С-5 или НАРами.

Мишенную обстановку изучали уже на спортгородке со Швабриным, который для нас выложил на земле схему полигона.

– Выходим на боевой, включаем прицел и пикируем на мишень. Предварительно запоминаем её месторасположение, поскольку поле большое. Всем надо поработать. Вот двести двадцать первая мишень, – указал Фёдорович на выложенный из маленьких камней силуэт машины.

– Автомобиль будет хорошо видно? – спросил я.

– В простых метеоусловиях всё будешь хорошо видеть. Главное – не торопись, прицеливайся. Если что-то не так – работаем тактически и уходим на повторный. Что ещё нужно сделать, помимо работы с органами управления вооружением?

– С двигателем проблемы могут быть. Рычаг управления двигателем на «Малый газ». Только это при работе с С-24. У нас С-5, так что ничего страшного, – сказал я, имитируя движение левой рукой.

– Верно. Перед пуском за три-пять секунд поставил малый газ, а после через три-пять секунд обороты увеличиваем. Не забываем про кнопку «Запуск в воздухе» и доклад об этом в эфир, а то будем потом подпрыгивать на разборе.

– А если помпаж, Иван Фёдорович? – спросил Костян.

– Бардин, ну всё тогда. Выходим из кабинета, – со всей серьёзностью сказал Швабрин. – Ручки дёргаешь и ждёшь приземления на парашюте.

– Правда? – забеспокоился Макс, на что я покачал головой, похлопав его по плечу.

– Нет, конечно. Рычаг управления двигателем на «Стоп» и далее, согласно инструкции. Что ещё по полигону не уяснили?

– А вот это что? – указал Тёмыч на предмет, на краю схемы полигона.

– Это камень, Артём. Вот именно его на полигоне не будет, – улыбнулся Швабрин вместе со всеми.

Вечером я слегка задержался на тренировке в бассейне, поэтому возвращался уже к вечерней поверке. Обычно в это время она у нас проводилась в лежачем режиме, если только кто-то из инструкторов не пришёл.

– Забрал. Сегодня игра идёт. Нормальная пуля, – услышал я знакомый карточный термин, когда поднимался по лестнице в казарму.

– Вообще сегодня бесполезно с тобой, Вася, играть – прозвучал знакомый мне голос Червения. – Давай отыграюсь?

Разговоры шли с третьего этажа, на котором никто не жил. Он был вечно на ремонте.

Поднявшись наверх, я обнаружил несколько человек, сидящих за столом прямо по центру расположения под единственной работающей лампочкой на этом этаже. Среди них были и Басолбасов, и Червень, у которого, судя по выражению лица, игра сегодня не шла. За столом сидели ещё несколько парней с других курсов.

– Родя, присоединишься? – сказал Басолбасов.

– Спасибо. Вы с деньгами аккуратнее. За это и отчислить могут, – сказал я, разворачиваясь к выходу. – Хоть бы дверь закрыли, а то слышно хорошо.

– Ай, Серый, ну без тебя как-нибудь разберемся, святоша ты наш. Давай раскладывай, Вася.

Азартные игры не приветствовались в армии. Тем более, когда на деньги. В моё время много парней на этом деле закончили свою службу. Кредиты, долги, проблемы в семье – малая часть проблем от таких игр. Надеюсь, что это не тот случай.

На следующий день ощущалось приближение чего-то нового и неизведанного. Хоть мы и применяли вооружение с Л-29 ранее, но вот применять реактивные снаряды с настоящего истребителя – совсем другое чувство. Это и скорость другая и манёвр интереснее. Да и вообще должно быть очень круто!

Подойдя с Фёдоровичем к нашему борту, мы приняли доклад от нашего техника Петьки.

– Боевая зарядка – два блока УБ-16-57УМП по шестнадцать С-5К в каждом, – доложил он.

– Хорошо, – сказал Швабрин, пожимая ему руку. – А гондолу под фюзеляж подвесили?

– Контейнер с пулемётом А-12,7А, боекомплект – шестьдесят патронов – подвешен.

– Хорошо. Пошли осматривать, – позвал меня Фёдорович к блокам.

– А как же фотоплёнка в фотоконтрольном приборе? – спросил я.

– Согласен. Проверена, в наличии, – доложил Петька.

– Молодец, Родин. Думал, не заметишь отсутствия доклада. Пошли.

Поздоровавшись с техниками, мы приступили к нашему стандартному осмотру самолёта перед вылетом.

– Первое, что мы с тобой сделали – приняли доклад. Теперь пошли проверять, – сказал Швабрин, пригибаясь под левой консолью.

– Мы ещё забыли кабину проверить, Фёдорович, – отметил я.

– Справедливо. В кабине никого, пойдём глянем тогда на приборы.

Тумблеры автоматов защиты сети и системы вооружения стояли в выключенном положении.

– Теперь посмотрим, соответствует ли у нас вариант вооружения нашему заданию, – сказал Фёдорович.

Подойдя к блокам с реактивными снарядами, мы осмотрели их на предмет внешних повреждений. Количество С-5 соответствовало заявленному. Гондола с пулемётом была закреплена на своём месте. Количество патронов в ней не пересчитаешь.

– Серега, а чего на тебя Гнётов с первой эскадрильи постоянно ходит, настукивает замполиту? – спросил у меня Фёдорович, когда я приготовился надеть на голову шлемофон.

– В трусах меня увидел, когда я в туалет выскочил с высоты.

– А-а-а, знатный случай! Ребров до сих пор вспоминает, как ты перед психологом дефилировал, – улыбнулся Швабрин. – Ладно, «кастриюльку» на голову и в кабину.

Заняли свои места, пристегнулись, включили радиостанцию, и я подал команду «От двигателя».

– Пру... Зорька! Руки на колени! – крикнул по внутренней связи Иван Фёдорович. – Давайте, товарищ Родин, всё, как полагается. Будешь хотя бы капитаном, тогда и начнёшь сачковать, понял?

С моей общей выслугой за две жизни, мне уже в подполковниках надо ходить. А я всё курсант! Вечно молодой!

– Только не таким, как этот Гнётов.

– Что, сильно достал? Я краем уха слышал, что он там чего-то про казарму ещё нёс. Надеюсь, не побили вы его там?

– Нельзя. Он старше по званию. Сами понимаете, во что тогда превратится армия, если каждый будет на офицера руку поднимать. Это будет конец всему.

– Это ты верно сказал. Давай, все действия на проверке проговаривай и запускаемся.

Гашетка боевой кнопки в предохранительном положении, остекление кабины, отражателя и светофильтра прицела чистые. Проверил на специальном пульте выключатель «Тактический сброс» в правильном положении.

– Автоматы защиты сети на правом борту? – спросил Швабрин.

– Включены, под стеклом, – ответил я. – Световая сигнализация боевой зарядки есть.

– Прицел?

– Проверен, режим на вырубивании включим.

– Хорошо. А вот теперь «От двигателя»! – крикнул Швабрин, и я начал запускать самолёт.

Уже в полёте я продолжил готовить прицельное оборудование к работе. Не совсем удобно одной рукой управлять, а второй что-то щёлкать.

– Давай я возьму управление, а ты пока настраивай яркость прицела. Режим «Гиро» у тебя стоит? – спросил по внутренней связи Швабрин, забрав себе контроль над ручкой управления.

– Да. Сделайте пару отворотов. Вот! Всё в работе, сетка прицела отклоняется. Ввожу базу цели и дальность.

До полигона осталось пару минут лёту, так что нужно уже переходить под их управление.

– Ферит Восемьсот восьмидесятому, – запросил я руководителя полётами на полигоне.

– Отвечаю, Восемьсот восьмидесятый, – бодрым голосом вещал он.

– Восемьсот восьмидесятый, иду к вам с Сопки, работа по двести двадцать первой мишени. Высоты работы – пятьсот и тысяча.

– Восемьсот восьмидесятый, понял, под моим управлением. К третьему – одна тысяча.

Занимаю курс к третьему развороту круга полётов на полигоне. Схема та же, что и на аэродроме, только весь расчёт идёт от мишени.

– Дальность пуска тысяча триста, база сорок, – сказал я по внутренней связи. – Ферит, Восемьсот восьмидесятый, первый заход тактический, без применения.

– Восемьсот восьмидесятый, понял. Выполняйте третий.

Разворот и слева я увидел линейку мишеней. Моя, под номером двести двадцать один, была расположена в самом начале линейки.

– Восемьсот восьмидесятый на четвёртом, заход на боевой, тактический.

– Восемьсот восьмидесятый, разрешил.

– Понял, – ответил я, отклонил ручку управления самолетом влево и сходу выполнил пикирование. – Цель вижу.

– Работу тактически разрешил. После работы влево.

Самолёт начал резкое снижение. Скорость я уже не контролировал, как и другие параметры. Всё внимание сосредоточил на перемещающейся метке на прицеле.

Метка подошла к мишени. Дальность на шкале соответствовала расчётам... Пуск! А точнее, его имитация, и я добавил обороты, выполнив уход влево.

- Восемьсот восьмидесятый, тактически сработал. Первый влево.
- Восемьсот восьмидесятый, выполняйте.
- Перегрузка на выводе – три с половиной-четыре. Минимальная высота вывода после С-5 – двести метров, понял? – давал мне наставления Швабрин.
- Так точно.
- Выполнил полёт по кругу, ещё раз в голове прокрутил все действия, и снова заход на цель.
- Ферит, Восемьсот восьмидесятый, выход на боевой.
- Разрешил.
- Восемьсот восьмидесятый, на боевом, цель вижу, работа боевыми, – запросил я, включая автомат защиты сети РС, для подачи питания на пуск снарядов.
- Восемьсот восьмидесятый, работу разрешил, после работы выход влево.
- Я выполнил разворот с пикированием, и вот она цель, передо мной. Снял предохранительный колпачок с кнопки РС. Продолжил снижение.
- Стрелка наклонной дальности до цели стояла на отметке две тысячи, а метка на прицеле начала движение к мишени автомобильного типа. Дальность стала уменьшаться и слева на прицеле загорелась лампа «Пуск». Мишень в захвате. Пуск!
- Практически нет рывка назад, зато пошли вперёд несколько дорожек из спутного следа реактивных снарядов. Ручка на себя и влево. Перегрузка немного придавила, но это уже неважно. В момент набора высоты бросил взгляд влево и вниз, посмотрев на результаты своего попадания.
- Недолёт, двадцать, – поставил меня в известность руководитель полётами.
- Восемьсот восьмидесятый понял, на повторный.
- Со второго раза всё-таки попал. С-5 – относительно небольшие снаряды, в отличие от С-24, поэтому нужны прямые попадания, чтобы вывести из строя. Для живой силы в самый раз.
- После посадки мы ещё несколько минут обсудили с Фёдоровичем полёт и ошибки. Где перетянул управление, а где, наоборот, нужно было отпустить. Ещё и на посадку сегодня я зашёл не ахти.
- Ладно, будем считать, что снижение выше глиссады на всём посадочном курсе – досадная неудача. Главное – попали в полигон, – сказал Швабрин.
- Так точно. А чего-то наших нет. Петька, а где все?
- Да не приходил никто. Тоже таким вопросом задался, – ответил техник.
- Мыслей на этот счёт не было никаких. По аэродрому ходили только парни со второй эскадрильи и их инструктора. Вроде и полёты шли, а из нашей третьей «пьющей» никого.
- А тем временем к нам быстрым шагом приближался Валентинович.
- На сегодня эскадрилья отлетала. Родина в казарму. Мы с тобой в наш штаб, – сказал Новиков, подойдя к нам.
- А чего такое? Нам тут один разлёт осталось сделать? – негодовал Швабрин.
- Командир полка сказал. Что-то там произошло у наших курсантов.

Глава 4

По приходе в казарму ничего так и не прояснилось. Весь взвод разложился на кроватях, занимаясь своими делами. Кто-то занимался чтением художественной литературы, кто-то изучал литературу техническую. Тёмыч настолько увлёкся учебником по аэродинамике, что перестал моргать. Просто глаза закрыл и захрапел.

Костян делился своими впечатлениями от полёта на боевое применение, а Макс пытался узнать, кто же из наших накосячил. Хотя, это мог быть и другой курс, и другая рота. Да кто угодно! Полёты только зачем было отбивать у нашей эскадрильи?

– Взвод, строиться на центральном проходе, – подал команду дневальный.

Быстро вскочив с кровати, мы выстроились в две шеренги. Макс вышел перед строем, застёгивая на ходу летный комбинезон, который он ещё не успел переодеть.

Двери расположения открылись, и, не говоря ни слова, в казарму вошёл Ребров, замполит полка и... Вася Басолбасов. Губа у нашего главного картёжника была разбита, а сам он выглядел забитым и сильно зажатым.

– Не подавайте команду, сержант, – махнул рукой замполит учебного полка.

Подполковник Брусков выглядел под стать своей фамилии – квадратные плечи, причёска «площадка», а главное – он постоянно поворачивается под прямым углом. Настоящий прямоугольный брусок!

– Товарищи курсанты, обращаюсь к вам ещё раз. Неоднократно мне поступали сигналы о том, что на вашем курсе процветают азартные игры, – принялся ходить Брусков перед строем. – Кто не знает, что это запрещено?

Вряд ли бы кто поднял сейчас руку. Похоже, что Вася куда-то влетел со своим преферансом.

– Это хорошо, что вы все знаете. Но почему никто из вас не сделал замечание товарищу Басолбасову, когда он устраивал здесь подобие элитарного клуба? Что это за притон такой, товарищ Басолбасов, о котором никто из вашего взвода не знает?

Естественно, что Вася молчал. Что тут ответить можно. Губа уже за него ответила.

– И вы, товарищ сержант, совершенно не проконтролировали доверенный вам личный состав. Как так вышло, что курсант вашего классного отделения получил средь бела дня увечья? Ещё и во время полётов! – повысил в концовке интонацию Брусков, выделяя крайнее предложение.

До выступлений Реброва ему пока далеко. Представляю, что нам скажет Вольфрамovich после замполита.

– Случай вопиющий. Соответственно, о вас, товарищ Басолбасов, будет доложено вышестоящему руководству. Пусть оно принимает решение. Если к тому времени ваша лётная практика закончится, и вы выйдете на государственный экзамен, считайте, что вам повезло. Но, думаю, служить вы отправитесь в очень «тёплое» место, – подошёл вплотную к Васе Брусков. – В вашем распоряжении, Гелий Вольфрамovich. Команду не подавать, – сказал замполит и направился на выход.

Ребров после его ухода ещё с минуту оглядывал нас, дожидаясь, очевидно, повышения температуры кипения своего мозга. Теперь мы ещё будем «игручей» эскадрилей, вдобавок к предыдущей приставке.

– Басолбасов, катала херов, ты себя в зеркало видел? Ты ж тяжелее висячей груди женской ничего не поднимал в своей жизни. Откуда у тебя силы будут постоять за себя? – спросил он у Васи, снимая с себя пилотку. – Так ты ещё нашёл самых здоровых парней на своём курсе и сел с ними за один стол. Гениально, Ватсон!

Только недавно вышел первый советский фильм с участием Ливанова и Соломина про приключения знаменитых сыщика и доктора, а уже его цитируют.

– Виноват, товарищ подполковник, – вытянулся в струнку Басолбасов.

– Ты это уже сегодня раз двадцать сказал, – подскочил к нему Ребров так быстро, что все подумали, отцовского леща Васи не избежать. – Скажи спасибо, что ты на четвёртом курсе и... бабушка у тебя одна. Подумал, чтобы она сказала, если бы её внук приехал домой, отчисленным за несколько месяцев до выпуска?

– Товарищ подполковник... – попытался что-то сказать Макс, но Ребров и не думал останавливаться.

– Вы о себе подумайте, сынки, – тон командира эскадрильи изменился на более спокойный.

Ребров, будто старался уговорить нас, словно мы и, правда, дети для него. Переживает мужик!

– Мы думаем, товарищ командир, – сказал из строя Костя.

– Думаете, да не тем местом. Вы же... жизнь свою вот такими вот делами погубите. Это хорошо, что здесь мы прикрыли эти ваши карты с деньгами. И не надо хлопать глазами, что никто из вас не был в курсе. Думаете, случайно с вами психолог общалась на эту тему?

Так вот для чего в тот день приезжала Майорова. Во время полётов она беседовала на тему азартных игр. Вот так дела!

– Мы исправим его, товарищ командир, – уверенно произнёс Макс.

– Ты... вы уж все постарайтесь, сынки. А то так офицера будущего потеряем, если он не слезет с этого дела. Ух, я тебе уши оторвал бы, Василий! – погрозил кулаком перед Васей Ребров.

После ухода командира эскадрильи никому уже не было дела до Васи. Все разбежались по своим делам, даже не обратив внимание на то, что Басолбасов тут же достал из кармана колоду карт и стал её перемешивать. Не пошла на пользу взбучка Василию.

– Макс, ну он ничего не уяснил. Ты же видишь, что ему до фени? – указал я на Басолбасова, который, улыбаясь, сидел на табуретке и игрался с колодой карт.

– Пошли, – решительно заявил Макс.

Через минуту мы стояли в закрытой бытовке. Только вот у меня желание было теперь надавать по шее Басолбасову, а не помочь ему словом. Этот хмырь стоял перед зеркалом, выдавливая свои прыщики, совершенно не слушая, что ему говорят.

– Ребят, да всё хорошо. Не волнуйтесь. Дайте, я пойду по делам... – попытался он выйти из комнаты, но я оттолкнул его обратно.

– Никуда ты не пойдёшь. Рассказывай, что именно случилось? Я видел, что вчера ты играл. И Червень там был, и с третьего курса пацаны. Кто и за что тебе вмазал? – спросил я.

– Тебе, Родя, какое дело? Тоже захотел пристраститься к играм? – ехидно заулыбался Вася, снова достав колоду.

Сейчас он совершенно не такой, каким был месяц назад. Видимо, недавно в нём такие таланты открылись.

– Ты всех подставляешь. Командиров в первую очередь. За что врезали тебе? – спросил Макс, сложив руки на груди.

– Не буду говорить. Отвалите, – снова попробовал проскочить в дверь Вася, но теперь я заломил ему руку, в которой была колода карт.

– Больно, Серый! Сломаешь ведь, – начал скулить Басолбасов.

– Зато играть не сможешь. Спихнём всё на твои дела картёжные. За долги тебе губу разбили? Так мы туда и руку припишем, – сказал Макс, подходя ближе.

– Да не было у меня долгов. Не виноват я, что они за игрой и рукавами не следят совсем. Мы решили партейку разыграть быстро за крайним отбойником, где никто не видит. Да во время одного из раздач и спалили меня.

При этих словах я отпустил его. Так наш Вася, оказывается, ещё и шулер начинающий!

– Ты придурок или притворяешься, Басолбасов? За такое убивают, если обман вскроют. Это здесь в училище тебя только побьют, а за забором жалеть не будут. Бросай это дело. Хорошим оно не закончится, – сказал я.

– А тебя всё устраивает в твоей жизни, а? – начал говорить Вася, шмыгая носом. – Каково это, когда не можешь с девочкой в кафе нормально посидеть? Угостить её тем, что она хочет, а не тем, что ты можешь себе позволить?

– Мы с моей девушкой по кафе не ходим. К чему это ты всё? – спросил я.

– Я всю жизнь в нищете. Бабушка то там работает, то здесь, а денег не хватает. Пока я дома был, хоть с огородом помогал ей. Сейчас она не может без меня...

– И это повод обманывать людей? – воскликнул Макс. – Выпустишься и сможешь бабушке помогать.

– А получаем мы с тобой тысячи прям, да? Я видел в катране ребят, которые делами ворочают и как они живут. Мы с тобой объедками питаемся, по сравнению с ними, – продолжал эмоциональное выступление Вася.

Очень похоже на то, когда я начинал служить в прошлой жизни. Престиж службы был не самый высокий, зарплаты небольшие, а красиво жить хотели все. Это потом большой подъём денежного довольствия случится, квартирные вопросы будут решаться. Армию начнут уважать, а не только бояться. Неужели и в этом времени появились первые признаки вот таких вот недовольств? Или Вася – это лишь исключение?

– Вася, поверь мне и Серому. Зла мы тебе не желаем. Брось это дело, – сказал Макс, положив руку Басолбасову на плечо.

– Мы никогда не откажем тебе в помощи. Ты же знаешь, что не в деньгах счастье, – повторил я за Максом.

– Счастье в их количестве, – сквозь зубы проговорил Вася, но потом всё же улыбнулся. – Ладно, ребят. Из-за меня полёты сорвались сегодня. Извините.

– У бога дней много, Вась. Ещё полетаем, – сказал я.

– Как думаете, отчислят меня? – спросил Басолбасов.

– Азартные игры – причина веская, но ты главное – это дело брось. «Без пяти минут» выпускника сомневаюсь, что отчислят, – ответил я.

Страсти по Василию улеглись очень быстро. Через пару дней никто и не вспомнил, что был подобный инцидент. За дальнейшей деятельностью крупье Басолбасова я не следил, но про карточные игры не было слышно в разговорах парней.

В первые же выходные, мы с Женечкой решили зайти к молодым родителям в гости. Я предполагал, что идея эта пахнет очень скверно. В отцовских делах опыта у меня нет, но впечатлений Артёма было достаточно, чтобы я сделал вывод о своей непригодности к отцовству.

– Да всё будет хорошо. Я Свете звонила. Она очень будет рада, если мы зайдём, – говорила мне Женя, идя рядом со мной, буквально вприпрыжку.

– А ты думала, она тебе скажет не приходить?

– Там всё у них хорошо. Они молодцы. Серёжка их очень спокойный. Я когда со Светой разговаривала, он и звука не издал. Вот какие родители!

– Он, наверное, спал в это время, – сделал я предположение, открывая дверь подъезда.

– Не думаю. Шесть утра было.

– Ты бы ещё ночью позвонила. А если бы он действительно спал в это время? – удивился я.

– Не-а. Света сказала, что у них сын... как это... день с ночью перепутал. Сейчас они как раз проснулись, и с шести вечера спать до утра не будут, – весело сказала Женя, прошмыгнув вперед меня в кабину лифта.

Ну и график у Рыжовых, конечно. Я представил, с какой натянутой улыбкой сейчас нас будут встречать. Выйдя из лифта уже было понятно, насколько мы с Женей ошиблись в своих прогнозах.

– Да я уже не могу стирать эти... пелёнки, – доносился из-за двери квартиры голос Светы и последовавший за этим шлепок мокрой одежды об пол.

– Ну и иди, носи Серёгу. Я пойду, потру. Чего ты в нашу машинку их не закидываешь?

– Перед тем как кидать пелёнки в машинку, нужно застирывать. Это только ты всё туда кидаешь. Ой, как руки болят...

В этот момент Женя нажала на кнопку звонка. Мысль у меня была развернуться и уйти, чтобы не напрягать друзей ещё и нашим присутствием. Но уже поздно.

Дверь нам открыла Света. Видок у неё такой, будто она летела вместе со мной без откидной части фонаря. Синяки под глазами, лицо очень уставшее, но вот улыбка мне показалась искренней.

– Ой, думала, не придёте. Как у вас дела? – спросила она, закрывая за нами дверь.

– Всё хорошо. Мы вот вам «Птичье молоко» купили, – протянул я ей тортик в коробке.

– Спасибо. Мы тут быстро сейчас приберёмся. Серёжа у нас не спит опять вечером. Всё никак мы его не приучим по ночам спать.

– Да, ничего. А можно я тебе помогу? – сказала Женя, которой было всё интересно, что касается семейной жизни.

Готовится, видимо. Да только я не готов.

– А что за запах? – спросил я, столкнувшись с непонятным мне ароматом.

– Это так ребёнок пахнет, – сказала Света, подбирая с пола ту самую пелёнку.

Квартира была наполнена звуками стиральной машины «Эврика», которую я заметил через открытую дверь ванны. Говорят, что скоро появится привычная моему глазу машинка «Веста-автомат» с прозрачным окном в барабан.

Темыч пыхтел в зале, нося на руках своего сына. Нос у моего друга был измазан в каком-то белом порошке.

– Артём, а это что на лице?

– Крахмал. Он везде. Так что аккуратнее, когда будешь садиться. Серый хоть успокоился. Он поел, теперь его поносить надо... чтобы молоко провалилось.

– А ты думаешь, его именно в таком положении носить надо? – спросил я.

Малыша Тёмыч носил лёжа, а так явно не проваливается еда. Ну, может, у детей по-другому. Артём, я думаю, лучше знает.

– Всегда так ношу и ничего. Как тебе у нас?

Если не считать незнакомого мне запаха, разбросанных вещей, шума машинки, кучи всяких пузырьков и стаканчиков, то не так уж и сложно следить за ребёнком.

– Мальчики, давайте чай... Рыжов! – пришла в зал Света, чтобы нас позвать, но чем-то Артём ей не угодил в этот момент. – Ну сколько можно. Солдатиком держи, а не в горизонтальном положении.

– Так, не учи отца... мать твою, – выругался Тёмыч.

Как только он прислонил Серёжку к себе, тот оставил ему небольшую отметину, срыгнув на плечо.

– Так, быстро на кухню, а я его уложить попробую, – сказала Света, забирая у Артёма сына.

Чаепитие закончили быстро. Я намекнул Жене, что нам лучше побыстрее исчезнуть, чтобы не мешать ребятам отдохнуть.

– Серёжа, я, похоже, не готова к детям. Как посмотрела на Свету, так и отпало всё желание, – сказала она, когда мы шли во дворе её дома.

Значит, мысли у неё были. А где дети, там и свадьба. Ну а у меня спрашивать, конечно, не надо.

– Я вот тоже пока сомневаюсь в себе.

– А ты уже о семье думал? Чтобы мы поженились? – кинулась ко мне Женя.

– Д... да, думал. Нечасто, но думал, – выдавил я из себя. – Просто ещё время есть.

– Ой, Серёж, ты меня извини, что тороплю. Пока учись, а то у тебя полёты, служба. Там надо быть сосредоточенным, понял? – тронула она меня за кончик носа.

– Так точно. У меня ещё полтора часа увольнения осталось. Поднимемся наверх? – сделал я ей тонкий намёк на продолжение нашего разговора в более интимной обстановке.

– Ну... мама дома, Серёж. Не знаю, как быть.

– Привет, дети! – поздоровалась с нами Наталья Александровна, выходя из подъезда. – Как сходили? Выводы для себя сделали? – улыбнулась она.

– Ещё какие, – согласился я с ней.

– Все через это проходят. Потом будете с теплотой вспоминать. Я к подружке. Буду через... – взглянула она на свои часы.

– Два часа? – спросила Женя, загадочно улыбаясь.

– Да. Может, и три. Пока, Серёжа, – попрощалась со мной Наталья Александровна, взъерошив мне на голове волосы.

– Серёжа, если что я первая в душ, – шепнула мне на ухо Женя, и вбежала в подъезд.

После такого «душевного» завершения дня с Женей, в училище уже шёл со спокойной душой и свободными... помыслами. Как и договаривались с Максом и Костяном, встретиться должны мы были у выхода из Центрального парка.

Всегда было немного завидно, когда ты торопишься в своё расположение, чтобы прийти вовремя. Но всё равно ты проведёшь следующую неделю за высоким забором в ожидании новых выходных. А вот люди, что идут тебе навстречу, совершенно никуда не спешат, потому что выходные, весна и хочется гулять.

– А где Макс? – спросил я, здороваясь с Костяном.

– Опаздывает наш Ромео. Леночка Петровна, наверняка, не может оторваться, – улыбнулся Бардин.

– Либо он к ней прилип... Вон он! – показал я на бегущего к нам Макса.

– Короче, Гнётов сегодня в патруле. Останавливает всех, записывает. Мне вообще не вариант залетать, мужики, – сказал Курков, утерев платком пот и расстегнув китель.

– Понятно. Тогда тропами Джелалабада и через забор в гаражах, – предложил я.

– А где этот Джелал... как ты его там назвал? – поинтересовался Костян, когда мы двинулись в направлении кооператива.

И правда, пока ещё не вошли в обиход названия баз в Афганистане – Кабул, Шиндад, Баграм и так далее. И не спел ещё Александр Розенбаум свою знаменитую, но очень печальную песню про «Чёрный тюльпан». Так что и про Джелалабад мои товарищи первый раз от меня слышали.

– В Афганистане населённый пункт такой. Про тропы от кого-то из офицеров услышал, вот и понравилась фраза.

– Вечно ты что-нибудь скажешь этакое необычное. А потом думай, то ли я тупой, то ли ты умный, – негодовал Костян.

– Ладно тебе. Ни то и ни другое.

Освещение в гаражах минимальное, зато луна сегодня очень даже яркая. На небе ни облачка и этот естественный спутник Земли светит лучше всякого фонаря.

– Умный самый. Тогда на! Чтоб ещё умнее был, – слышались голоса с другого гаражного ряда.

– Поднимайся, скотина! – крикнул ещё кто-то с того же района.

Я остановился и прислушался к разговорам. Мои друзья прошли чуть вперёд, и только потом остановились.

– Серый, ну пошли. Чего... – хотел поторопить меня Макс, но его прервали очередные гневные возгласы.

Мы переглянулись между собой и заспешили в обратном направлении.

– Не можем мы без приключений, – ворчал Макс, заворачивая вместе со мной за гаражный пролёт, где и проходил весь этот конфликт.

– Поднялся быстро. Деньги где, свинья?

– Нет у меня денег. Я всё отдал, – этот голос принадлежал уже нашему Басолбасову. – И играть не буду я с вами.

– Ещё как будешь. Думал, что долги отдашь, и всё, свободен? Либо ещё тащи, либо отыгрывайся. Если сможешь, – расхохотался здоровяк в рабочем потертом комбинезоне.

Рядом с ним были трое парней, чуть старше нас, но не шире. Вася, уже изрядно потрёпанный, в курсантской парадной форме, по сравнению со своими обидчиками смотрелся как пекинес рядом с алабаем.

Из помещения гаража видна передняя часть белой «Волги», а свет от уличного фонаря и лампочки над воротами освещают место избиения Василия.

– Алё, гараж! – крикнул я, когда мы подходили к месту разборки. – Чего пристали к парню?

– Дружки твои, Васятка? Есть у них деньжата?

– Ребят, я сам разберусь. Всё под контролем. Идите, а то с увольнения опоздаете, – пытался отправить нас в училище Басолбасов.

Я и вижу, как у него всё под контролем. Эти гаражники только и жадут, как бы кого огреть монтировкой. Крепкие, заразы. Можем не управиться втроём... с четвертью. Васю за полную боевую единицу не считаю.

– Мужики, денег ни у нас, ни у нашего друга нет. Хотите убить? Дело ваше, но ведь сядете, – сказал я стоящему передо мной работяге. Вроде он мне кажется самым главным здесь.

– А мы вертухаев и лагерей не боимся, авиация. Денежка у вас имеется? – спросил у меня худой парниша, выглядывая из-за спины главного.

– Ты кто? Чего в разговор лезешь, чепуш? Старшие разговаривают, значит, варежку прикрой, и воздух не порти, – ответил я худому.

– Паха, давай башку борзому пролоим. Остальные сами всё отдадут, – предложил худой.

Начались возгласы сзади, в которых решил и поучаствовать старший этой гоп-компании. Вася в это время смог отползти к нам, и Костя помог ему встать.

– Короче, ты, борзый, наговорил на пару сотен. Либо садись за стол, либо денег давай, – выставил мне свой ультиматум работяга.

Похоже, нам драки не избежать в этот вечер. Но лучше показать им наши навыки в беге и перепрыгивании через забор.

Правый прямой в голову застал врасплах всех. Работяга «удивился», конечно, больше. Не удержавшись на ногах, он рухнул в руки к своим подручным.

– Ходу! – крикнул я, и мы рванули к забору.

Первым бежал, как это ни удивительно, Вася. Он всегда всех делал во взводе на стометровке, так что сейчас это ему пригодилось.

– Через забор, и в распорягу. Догоняй! – крикнул я Макс и Костяну, которые слегка отстали.

Вася уже возле забора. С одного прыжка у него получилось запрыгнуть, подтянуться и перевалиться за бетонное ограждение.

Сзади послышался звук мотора, но оборачиваться нельзя. Нужно бежать... да только поздно. Белая «Волга» тормознула прямо перед моими товарищами. Ну не бежать же мне дальше!

Не разбираясь, я с прыжка ударил ногой в спину одному из работяг, пока они пытались отдубасить моих товарищей. Один из них переключается на меня. Бьёт с левой. Чего так медленно? Я бы успел чайку попить, пока он делал замах. Боковой справа и прямой ногой в живот. Противник скрутился и сложился пополам на земле.

С ещё одним, Максим справился успешно, добавив ему по почкам с ноги. Костяна слегка опрокинули, но без видимых повреждений.

– Давайте через забор, а то...

К забору подойти нам уже не дали. Там выросли четыре фигуры с различными предметами в руках.

Повернулись снова назад, а там серьёзное подкрепление во главе со старшим работягой. Отошел, видать, от моего нокдауна.

– Твою мать! – воскликнул Костя.

Глава 5

Насчитал десять злобных рыл, хотя сейчас математические способности ни к чему. Тут бы лучше иметь что-нибудь от заокеанских супергероев.

– Так, – выдохнул я. – Главное – голову берегите. Остальное заживёт. Может, и летать сможем.

– Нашёл, когда о полётах думать, – шепнул Макс.

Четвёрка, перекрывшая нам подход к забору, выглядела предпочтительнее для нанесения превентивного удара. Я было ломанулся на них, но меня за ворот кителя схватил Костян.

– Там палки у них. Только сильнее поломают тебя, – сказал он.

– Да перестань паниковать! – крикнул Макс, и рванул на вооружённый заслон у забора.

Костян тут же меня отпустил, двинувшись за ним. Я бросил взгляд назад – до основных сил было далеко, но пара десятков секунд есть.

– Не дайте им через забор сигануть! – кричал кто-то сзади.

Я снова в гуще событий. Мой противник махнул монтировкой знатно, но совсем неточно. Боковой справа, и он попятился к своему товарищу, попав под увесистый удар палкой. Один есть. Надо быстрее их отталкивать и лезть через забор.

Макс с трудом, но опрокинул толстяка с кирпичом в руках. Костян только и успевал уклоняться от ударов палкой то от одного, то от другого. Наша с Максом помощь подоспела вовремя. Хоть и прошел один удар вскользь по моему плечу, но особого урона мне не нанёс. Зато я тут же отправил спать этого бейсболиста ударом локтя в лицо.

– Через забо... – крикнул я, но получил увесистый удар по спине.

На ногах не устоял, упав в траву. Тут же полетели в меня ноги, палки и ещё что-то тяжёлое. Руки, плечи, ноги – всё заболело моментально. Оставалось только маневрировать на земле, катаясь из стороны в сторону. Среди возгласов «бей его», «получай, урод» и «вертлявый какой» был слышен чей-то крик, указывающий на отмену всей этой казни надо мной.

– Стоять! Ушли! Сам с ним разберусь! – крикнул кто-то, стоя совсем рядом со мной. – Поднимите его.

Удары прекратились, как и мои перекаты. Я машинально нащупал первый попавшийся камень и зажал его в кулаке. Вряд ли он чем-то спасёт моё плачевное нынче положение, но лишним не будет.

Меня резко подняли, поставив на ноги. Мои два средства передвижения чувствовали себя не лучшим образом, оттого сразу подкосились. Упасть снова мне не дали.

– Стой, боец. Не договорили мы с тобой, – выступил вперёд старший.

Тот самый работяга утирал платком свой разбитый нос. Кровь, которая в слабом освещении казалась мне чёрной, не думала прекращаться. Хорошо я ему попал, но до перелома дело не дошло.

Я оглянулся вокруг. Силы противника теперь превышают мои десять раз, а то и больше. Где-то сзади пытается оклематься остальная часть этого войска. Макс и Костян стояли ко мне спиной, изрядно побитые и в рваной курсантской форме.

– Думали, сможете с нами справиться? – сказал старший. – На что надеялся, сосунок?

И правда? Кажется, ситуация патовая. Ещё и Вася свалил. Он бы не решил ничего на поле боя, но хоть зубами бы вцепился в кого.

– Чего молчишь? – подошёл он ко мне ещё ближе.

Сейчас бы снова вмазать этому хмырю в его окровавленный нос. Только это лишь ускорит нашу гибель здесь под забором. И вот именно сейчас мне бы хотелось, чтобы нас поймал патруль. Самоход равняется трём суткам ареста. Может, даже меньше.

Если будет второй раунд, то в госпитале проваляемся до самого выпускного. Ещё и ссаться будем красненьким, да кушать через трубочку.

– Жду предложений по заключению мирного договора, – сумничал я, подняв настроение всем окружающим.

Работяга не удержался и здорово приложился по моему животу палкой. Вот я и снова на коленях.

– Сначала извинись, а потом мы подумаем, сколько ты нам должен. Пока что проломим голову, чтоб ты «Союзмультфильм» смотрел без телевизора...

Договорить я ему не дал. Быстро встав с колена, мощно ударил его снизу в челюсть. Тупорылые и медлительные подручные даже не смогли поймать своего старшего, и только хлопали несколько секунд глазами.

– Кончай их! – крикнул кто-то из толпы.

Но это был возглас совсем других ребят. Через забор со стороны училища хлынула в буквальном смысле волна из курсантов. Один за одним наши товарищи перепрыгивали через забор и тут же вступали в драку, несмотря на тяжёлые предметы в руках противника.

Да только и они были не с пустыми руками. Португеи, дужки от кроватей, черенки от сломанных лопат – когда только успели подготовиться?

Естественно, такого натиска, практически целой роты, хулиганы не выдержали и убралась в свои гаражи, оставив даже свою машину открытой. Несколько отступающих всё же выхватили свою порцию ударов по спине и пинков под зад.

– Мужики, я... как... мог быстрее... – сказал запыхавшийся Басолбасов, оттряхивающий меня и подбирая мой китель.

– Мы подумали, что не догадаешься, Вася. Спасибо, – поблагодарил его Макс, хромающий к забору.

– Да это вам спасибо! Вы же сначала меня спасли от этих, – указал он в сторону убежавших.

Противник в страхе бежал, а значит, можно было и нам возвращаться в казарму.

– Мужики, живее. Там патруль наш бежит, – промчался мимо нас с толпой курсантов Червень.

Через боль и при помощи других ребят, я смог преодолеть стену. Уже в казарме осмотр наших повреждений превратился в научный консилиум.

– Чуть выше и могли по левому ребру залепить.

– Чуть ниже и могли правое колено свернуть.

– А тут ещё чуть-чуть, и нос бы сломали.

Каждый считал своим долгом высказать свои соображения по поводу нанесённого нам урона.

– Короче, вам, пацаны, крупно повезло, – сказал Вася.

Вот я прям смотрю на свои бока, синяки и благодарю Фортуна, что мне повезло! Глянул на лицо Костяна, так там и фингал, и ссадина, и флюс. Везунчики, ёпт!

– Да, Вась, мы очень везучие. Предлагаешь в катран пойти? – сказал я, держа под холодной водой ногу, которую отбили в районе бедра.

– Ты замполита не слышал? Запрещены азартные игры, – улыбнулся Басолбасов.

– Очень рад, что ты это понял.

Поблагодарив всех парней, я и не заметил, как провалился в сон. Выбрать позу для сна было не так уж и просто. На живот не ляжешь, потому что болит пресс. На спину, потому что болят мышцы в поясничном отделе. На боку мешают рёбра. В общем, ночка была очень сложной.

В воскресенье нашей троице нужно было прятаться от посторонних глаз всеми возможными способами. Тяжелее всех Макс, поскольку он заместитель командира взвода, а значит, должен водить строй на приёмы пищи.

– А первичный осмотр таких повреждений не выявил вчера, – сделал вывод Басолбасов, рассматривая лица Костяна и Макса утром, когда те проснулись.

Вокруг наших кроватей уже начал кучковаться народ. Это же так интересно – смотреть на разбитые рожи своих товарищей!

– Что там, Вась? – спросил у него Макс.

– Ну, вкратце, у тебя лицо побитое.

Гениально! Именно так и выразил своё восхищение эрудицией Басолбасова Костян. Реплики на русском матерном к этому прилагались.

– Так, кто-нибудь из командиров отделений отведите взвод в столовую, а мы пока себя в порядок приведём...

– Дежурный по роте, на выход! – подал команду дневальный, поскольку пришёл ответственный офицер.

На наше счастье, им оказался Швабрин. Судя по его приветливому голосу, он в хорошем настроении, которое мы сейчас ему испортим.

– Доброго всем утра! Чего на завтрак не и... итить твою за хобот?! – воскликнул он, завидев нас троих, сидящими на кроватях.

На лице Швабрина даже усы зашевелились от увиденного. Если моё лицо ещё вполне соответствовало нормам, то вот у Макса и Кости оно было совершенно «неуставным».

– Иван Фёдорович, я с лопинга выпал вчера, – поторопился сказать Макс, вскакивая с кровати, но боли в ногах не давали ему спокойно стоять.

– Ага. И много было падений? – спросил Фёдорович. – Вы с Бардиным вдвоём на одном лопинге крутились?

– Не-а, втроём с Родиным, – сказал Костян, но понял, что сморозил ерунду. – А нет... я головой просто ударился...

– Поздно, уже сдал товарища, – прервал его Швабрин. – Все на завтрак. Вы трое, как я понимаю, не голодны?

Конечно, да! Но вот у моего тела другое мнение на этот счёт. Есть хочется, но дойти я могу только до умывальника. Нам потребовалось достаточное количество времени и сил, чтобы привести себя в порядок. Всё это время Фёдорович ждал нас в расположении вместе... с Васей.

– Вот такие пироги, товарищ старший лейтенант, – заканчивал он свой рассказ, когда я вернулся.

– Понятно. Так, бойцы, радуется, что пострадали за правое дело. Теперь осталось дожидаться, чтобы на вас не пришёл запрос с города. Разборка не оберётся.

– Так-то их больше было, – скривившись, усаживался на табуретку Макс.

– Запрос придёт на всех, а не на вас троих. Вообще, вы молодцы. Если там реально было столько хулиганов, то отбились вы знатно. А Родин вообще молодец. На лице ни царапины, – усмехнулся Швабрин. – Футболку только при офицерах не снимай.

Фёдорович предложил помощь в замазывании результатов драки на лице у ребят. Обещал передать вечером спасительные средства.

Утром в бытовке, где также имеется уголок внештатного парикмахера, начал работу косметический салон. Из средств для стрижки здесь была неработающая электрическая машинка. По мне так ею только овец стричь. Ручная машинка вредна для здоровья, поскольку не стрижёт, а вырывает волосы.

Что касается приведения в порядок моих товарищей, то Швабрин оказал нам существенную помощь. Помимо заживляющего крема, передал Иван Фёдорович целую коробку различ-

ной пудры. А самое интересное – инструкцию для нанесения всей этой расцветки на лицо, согласно цвета твоих волос.

– Так, Костян, начнём с тебя, – начал я читать таблицу соответствия. – Ты блондин?

– А что, не видно? – недовольно воскликнул он, садясь на стул. – Родя, давай быстрее.

– Подожди. Всё по инструкции, – с серьёзным видом заявил Макс, еле сдерживая смех.

– Блондин. А блондин какой? – снова поинтересовался я.

– Обычный. Не крашенный же! – воскликнул Костян.

– Я не про это. Хотя тебе бы пошло, – сказал я, и Макс зашёлся от смеха. – Смотри, есть с серебристым оттенком. Рыжие не про тебя, это мы Тёмычу предложим. Вот есть средний блондин, пепельный, загорелый, выгоревший, обесцвеченный перекисью водорода.

– Серый, блин, ну, конечно, я пепельный! Мазюкай меня как среднестатистического блондина, – разнервничался Костян.

Дальше решил его не заводить, да и времени мало осталось до построения.

Как ни странно, но всё прошло гладко. Парни были загримированы хорошо, так что Ребров отделался дежурными предупреждениями о предстоящей неделе полётов.

Не унимался Тёмыч, который хотел знать всё о субботе.

– Да я лучше вместе с вами люлей получал бы, чем снова не спать и... и исполнять долги отцовские, – негодовал он, когда мы ждали Швабрина на спортгородке.

– Так себе ощущение, скажу тебе, – переубеждал я его.

– Ага, тело зудит и ноет. Спать не могу нормально, – поддерживал моё мнение Костян.

В это время подошёл Швабрин с некоторыми объявлениями по плану полётов на неделю и своим термосом в шахматной расцветке. В другой руке он нёс несколько железных кружек.

– Сразу чайку попьём, товарищ старший лейтенант? – весело спросил Артём.

– Выпуск уже скоро, а ты всё про чай думаешь. Чуть позже, – сказал Швабрин, выставляя термос на лавку. – Начинаем плотно летать самостоятельные полёты, точнее, тренировочные. Как у вас состояние?

– Терпимо. Главное, чтобы грим наш не потёк, – сказал Макс, пытаясь поудобней сесть на скамейку.

– Что именно летаем? – спросил я.

– На этой неделе маршруты, зоны и крайние дни на неделе – пары и звенья.

– Вот это нормально! – захлопал в ладоши Костян.

Обсудили за чаем несколько моментов, касающихся полётов. В термосе у Швабрина был ароматный напиток с мятой.

– Девушка моя делала, – сказал Фёдорович, разливая всем в железные кружки. – А пудра от Ирины, супруги Нестерова. Тоже переживают за вас.

Не забывает нас первый инструктор. А вот мы давно не заходим к Николаевичу. Может, стоит посетить в ближайшее время?

– Про вашу дальнейшую жизнь хочу поговорить. Кого куда, думаете, направят?

И тут началось! Какие только желания ни выказывали мои товарищи, что только ни говорили о возможных местах службы. Пока очередь дошла до меня, перебрали, казалось, весь Советский Союз.

– Со мной всё просто, – сказал Тёмыч. – Меня оставят здесь. Света не захочет уезжать отсюда. Да и я не против.

– Что ж, значит, будем коллегами, Артём. Если захочешь более плотно изучить...

– Ближайшее время не захочу, – перебил он Швабрина. – У нас сын день с ночью перепутался, дел домашних неуправляемо. Не до дополнительной литературы сейчас.

Костян всерьёз намерен пробиваться в испытатели, но сам. Без помощи отца. Для этого ему нужно где-то много налетать, чтобы дойти быстрее до первого класса и поступать в школу испытателей.

– Вот где такие места есть, из которых потом можно попасть во Владимирск? – спросил у Швабрина Костя.

– Отец чего тебе предлагает?

– Он говорит, что переведёт меня на транспортники, и с них я уже поступлю, не выезжая прям из Владимирска, – отмахнулся Костян. – Не хочу я так, Фёдорович.

– Вариант неплохой, кстати. Ты уже будешь знаком с двумя разными родами авиации. Это будет тебе в плюс. Стоит подумать.

Максу было сложнее всего размышлять. Ему, как он сказал, всё равно куда.

– И правильно. Ты не женат, вот и волен в выборе места. Опять же, вопрос в том, чего ты хочешь от службы получить, – начал объяснять Макс Швабрин. – Есть места, где не так много задач, нагрузка небольшая. Там люди служат и никуда не рвутся. А есть, где не вылезают с работы. Ещё и начальство своеобразное. Там ты будешь ждать ротацию как воздух под водой.

– И где такие, чтобы никуда не рваться? – спросил Макс.

– Север, Дальний Восток, возможно, граница, но туда тяжелее попасть. Серый, а ты чего молчишь? Есть предпочтения?

Пожалуй, я ещё не определился, в какое мне место ехать служить. Друзья точно удивятся моему тормозу в этом вопросе.

– Не решил пока, – ответил я.

– Может, просто не хочешь говорить? – спросил Швабрин, но в его голосе был некий укор в мою сторону.

– Серый, давай тут останешься? Вместе курсантов будем учить? – посмотрел на меня умоляющим взглядом Тёмыч, не дав ответить на вопрос Фёдоровича. – Мне тут без тебя тяжело будет.

Ой, Рыжов! Со Светой познакомил, на свадьбу надоумил, свидетелем у него был, в род-дом водил. И правда, тяжело ему будет без меня.

– Так-так, расслабляешь своих охломонов, Иван Фёдорович? – вынырнула довольная физиономия Гнётова из-за лопингов.

– Обыкновенный учебный процесс, Григорий Максимович. Чем заслужили подобную честь? – задал ему вопрос Швабрин.

– Какую?

– Сам «почти» майор Гнётов, заместитель командира эскадрильи и у нас на спортгородке – что-то в лесу сдох... прости... случилось, наверное.

– Паясничает? Ну да ладно, Ванечка. Хорошо, что больше нам не о чём разговаривать, – зализал свои волосы Гнётов. – А про будущую службу ты с ними зря беседы ведёшь. Сейчас всё сложно. Поедут твои орлята в такие дыры, где ни света, ни газа, ни воды. Готовьтесь, товарищи «почти» лейтенанты, – обратился он к нам и ушёл со спортгородка.

Швабрин, молча, стал закрывать термос и надевать на голову фуражку.

– И как его на зама комэска ставят, Фёдорович? – спросил Костян.

– Он переводится куда-то. Говорят, в ГДР. Уже спит и видит, какие там можно побря-кушки купить западные. Давайте собираться.

Гости на нашем чаепитии не закончились. Теперь мы лицезрели появление Валентиновича, который вообще не знает дороги на спортгородок. Как он говорит: лётчик и бег – это разные дистанции.

– Иван, давай заканчивай и на построение пацанов, – сказал Новиков, закуривая сигарету.

Отправив нас вперёд, Швабрин остался побеседовать с командиром звена. Содержание мы уже не слышали, поскольку всеми мыслями стремились быстрее построиться, пока не закончилось действие чудо-пудры у ребят.

Построение было объявлено перед штабом эскадрильи. Как обычно, в это время дня предварительной подготовки у нас начинается «пеший по лётному». Каждый инструктор со своей группой отрабатывает завтрашние полётные задания.

Сегодня мы должны были ещё походить в составе звена. Пока ждали выхода из штаба Реброва, Новиков дал нам пару установок на будущие групповые полёты.

– Комэска задерживается пока, поэтому, немного о групповой слётанности. Я с Родиным в паре, Иван Фёдорович – с Рыжовым, – сказал Валентинович, выйдя перед строем вместе с другими командирами звеньев. – Следующий вылет – со мной Курков, с инструктором – Бардин. Согласны. И это был не вопрос, а утверждение. Сейчас на асфальте ещё походим.

Из дверей штаба показался Ребров, поправляющий фуражку на голове.

Что-то не нравится мне выражение его лица. Вольфрамovich выглядел уставшим и недовольным. Кажется, сейчас нас будут очень сильно наказывать.

– Все готовы к завтрашним полётам? – спросил он у своего заместителя, который начал докладывать ему по всей форме. – Это хорошо.

– Мероприятия дня предварительной подготовки выполнены, – доложил заместитель.

– И на том спасибо, – сказал Вольфрамovich, медленно поворачиваясь к нам. – Кто из вас, птеродактили вы мои, скажет, что произошло в субботу вечером?

Глава 6

Главное теперь, чтобы все стояли смирно и не издали и звука. Сейчас комэска начнёт давить, мол «все обо всём знают», «чистосердечное признание облегчит наши страдания», «обещаю, вас не накажут» и так далее.

– Чего молчим? – спокойно спросил Ребров. – Постоянный состав свободен, курсанты на месте.

В течение пары минут инструктора разошлись, оставив нас одних. Швабрин решил отойти в курилку, но Ребров не дал ему там присесть.

– Иван Фёдорович, на отдых, – настойчиво сказал Ребров нашему инструктору.

После ещё одной паузы Ребров подошёл ближе к нам, всматриваясь в глаза. Шёл он медленно, пытаясь найти себе жертву. Потом начнёт давить на этого курсанта, в надежде, что у того сдадут нервы. Все командиры так делают.

– Я повторяю вопрос, что было в субботу вечером? – и остановился Ребров напротив Васи. – Басолбасов, бубновый туз ты мой, что знаешь про субботу?

Ох и удачно попал Ребров! Как знал! Может, и знает старый чёрт, да пока не говорит.

– В субботу... в субботу я смотрел «Экипаж», товарищ подполковник, – промямлил Басолбасов, вызвав отдельные смешки в строю.

– Тихо там! – рявкнул Ребров. – Ладно. Пойдём дальше. О, Бардин! А чего это у тебя на лице? – обратился комэска к Костяну, который скрывался в третьем ряду.

Пудра, видимо, начала сходить. Да и при рассмотрении вблизи заметно её применение.

– Это против прыщей. Мне отец прислал. Очень помогает. Могу поделиться, – чётко произнёс Костян.

– Я тебе устрою, прыщи! Ходатайствовать буду, чтоб тебя в Сибирь отправили служить. Будешь там деревья в лесу белить. Их там много. Родин, что ты скажешь? – подошёл Ребров ко мне.

– Я был у Рыжова дома, – почти не солгав, сказал я и добавил для правдоподобности: – Со своей девушкой.

– А почему не у девушки дома? Тебе больше с ней нечем заняться, как по гостям ходить?

– Товарищ подполковник, я к ней потом зашёл, чтобы...

– Без подробностей, – махнул на меня рукой Ребров и снова встал перед нами на середину строя. – Была драка в субботу. Драка! Патруль доложил об этом. В ней принимали участие курсанты. И раз уж я к вам сейчас обращаюсь, то нетрудно догадаться, из какой эскадрильи их опознали. Чего опять молчите, камбалы сушёные?

– Товарищ подполковник, никакой... – начал говорить Макс, но Ребров снова перехватил слово.

– Ничего не хочу слышать. Шаг из строя зачинщикам драки. Живо!

Естественно, никто и не собирался делать шаг вперёд, бросая тень на остальных. Однако кому-то всё равно придётся выйти. Чего уже отсиживаться? Выйду сейчас и, возможно, остальных в покое оставит комэска. Хотя, идея тупая, как пробка.

– Я, курсант Басолбасов, – сделал шаг вперёд Вася.

Кажется, этого не ожидал Ребров. Судя по выражению его лица, он планировал и дальше выступать перед нами. А тут облом.

– Васятка, ты чего? А как ты умудрился так?

На ходу ничего особо Басолбасов не смог придумать. Стоял он молча и не произнёс и слова.

– Вот так, значит, ты «Экипаж» смотрел. Ну, Вася! Поручился я за тебя, а ты...

Мысль с выходом из строя теперь была не настолько глупой. Что-то сказать, кроме правдивой истории потасовки с кучей противников, у нас не получится. Чем нереальнее правда, тем лучше в неё верят. Зато выйду я, и парни за мной потянутся. Я в это верю.

– Товарищ подполковник, я тоже зачинщик, – шагнул я из строя, встав рядом с Васей.

– Родин, Чкалов ты наш, тебя чего понесло за Басолбасовым?

– Своих не бросаем, товарищ подполковник, – молодцевато ответил я.

– Слышишь, рыцарь Айвенго, ты уже не первый раз влетаешь. Мне тебя как вот отчислять...

– Товарищ подполковник! – буквально выкрикнул из строя Рыжов. – Я тоже был там.

Вот зря Тёмыч сопереживать начал. Его реально не было с нами. Ребров выпучил на нас глаза, словно он увидел темнокожего президента США. Надеюсь, он доживёт до того момента, когда это уже не будет никого удивлять.

– Рыжов, тебе чего не сиделось дома? Супруга так хорошо справляется, что ей помогать не надо?

– Товарищ подполковник, ещё я устраивал, – вышел из строя Костян.

– Я тоже! – встал рядом с нами Макс.

Потом ещё один, и ещё. Короче, отсиживаться из наших пацанов никто не стал. Каждый сделал свой шаг вперёд.

– Вы совсем уже обалдели?! Это... это, – начал заикаться Ребров.

Он был в шоке от увиденного и не имел в своём арсенале каких-то действий на этот счёт. А у меня в душе было тепло, осознавая, что все мои однокашники сделали шаг вперед и не прятались за спинами.

– Это как?! Египетская, китайская и кон... конская богомышь, как вы так умудрились?!

Вольфрамovich, который не знал, за кого ему уцепиться в этом строю нарушителей, ходил перед нами, сложив руки за спиной.

– Вы понимаете, какой это залёт? Курков, сержант ты или недоразумение в стакане, как ты допустил такое?

– Товарищ подполковник, всё не так было. На территории ничего не произошло...

А при этих словах Ребров даже отступил на пару шагов назад. Его глаза расширились до размеров, как минимум, бейсбольного мяча. Он будто Ленина живым увидел.

– Я с вами или дуба дам, или бухать начну. Не знаю, что и хуже. Каким образом... нет, на кой чёрт вы попёрлись всем стадом в самоход? Я вас как отмазывать теперь буду?

Ребров снова принялся выхаживать перед нами. На его месте я бы уже перестал задавать вопросы, поскольку ответы ему только вредят. Того гляди и глаза вылетят из орбит при следующей полученной информации.

– Один из вас, контуженных пельменей, стал причиной этого безобразия. Сейчас он должен выйти из строя, и тогда вы все отделаетесь лёгким испугом, а он поедет в народное хозяйство. Где та сволочь, которая...

Не успел он договорить, как Вася сделал ещё раз шаг вперёд.

– Всё началось с меня, – громко сказал Басолбасов.

– Тобой и закончится. Ведь тебя же предупреждали, Василий?

– С ним ещё я был, – снова вышел я из строя. – Готов ехать в народное хозяйство!

Процедура с шагами повторилась. Этот эпизод стал решающим в нашем противостоянии с системой.

– И не отчислишь всех. Знаете, на что давить. С этого дня все увольнения будете проводить в казарме. Парк у вас будет автомобильный, а вместо кафе – столовая! Рыжов, тебя это тоже касается, папа года!

Ребров ещё несколько минут распинался перед нами, но это уже было не таким обязательным к выслушиванию. Много мата, а цивилизованных слов мало. Зато, как мне кажется, Ребров был в глубине души нами доволен. Все были сегодня как один.

В этом году лето выдалось очень жарким. Среднесуточные температуры за тридцать по Цельсию, дождей нет, как и ветра. Правда, это не мешает нам с Женей нежиться под лучами яркого солнца и лишь изредка заходить в тёплое море.

– Ты сегодня такой задумчивый, Серёжа. Что не так? – спросила Женя, положив мокрую голову мне на грудь. – Расскажи.

В увольнение ходил у нас только Рыжов. Отпускали его на выходные, с возвратом вечером в воскресенье, но иногда получалось и с утра в понедельник ему приходиться. Главное, чтобы комэска не увидел.

Всем остальным выход за забор был воспрещён. Но если очень хочется, как мне сейчас, то старый добрый метод самохода никто ещё не отменял. Правда, теперь приходится уговаривать ответственного, который назначается к нам из числа инструкторов.

Сегодня как раз был Швабрин, а значит, можно весь день провести со своей девушкой на теплом берегу моря.

– О месте службы задумался. Мне светит золотая медаль, а значит, могу выбирать. А что выбрать – не знаю.

– Есть же ещё время у тебя подумать. Может, с кем-то посоветоваться?

– Мне Рыжов советует в Белогорске остаться с ним. Он, как я понял, уже знает своё распределение, – ответил я, поглаживая спину Жени.

– Не самое плохое место, правильно? – сказала она, с некой надеждой в голосе.

Конечно, Женя не хотела отсюда уезжать, да и место в Белогорске неплохое. Да вот не лежит душа у меня здесь служить. Понятно, что если будет приказ оставить меня в Белогорске, деваться некуда. Но ведь есть возможность поехать, куда ты хочешь. А я не знаю, чего хочу!

– Ой! – воскликнула Женя, резко поднявшись с моего тела.

В меня откуда-то прилетела чёрная фуражка. Ветер не такой сильный подул, чтобы сорвать головной убор, но он прилетел именно ко мне.

– Молодые люди, прошу прощения. Подбрасывал в воздух, а прилетело к вам, – сказал нам, судя по всему, хозяин фуражки.

К нашему месту отдыха медленно подошёл мужчина, возрастом около шестидесяти лет. Добрый взгляд, старческие морщины и добрая улыбка – располагал к себе этот старичок.

– Не волнуйтесь, всё хорошо, – встал я с покрывала и протянул ему фуражку.

– Спасибо. Курсант? – спросил он меня.

– Да.

– Эх, когда-то и я был курсантом. Едва окончил училище, и война началась. Как зовут, сынок? – спросил он, протягивая мне руку.

– Сергей. Я вот четвёртый курс заканчиваю.

– Молодец. Ну, мешать не буду. Меня моя супруга ждёт. Удачи тебе! И в любви тоже.

– А вас-то как зовут? Расскажите о себе? – попытался я остановить этого старого лётчика.

Мне хотелось послушать рассказы о войне, но отчего-то на лице этого человека выступила грусть. Возможно, зря я решил начать расспросы.

– Герасимов, Филипп Филиппович я. Ничего в моей истории нет хорошего, кроме моей жены и победы над фашистами. Береги себя, Сергей! Если и тебе выпадет судьба оказаться на войне, не теряйся. Возвращайся живым.

Так он и ушёл, улыбнувшись мне в конце. Кто бы мог подумать, что человек с такой сложной судьбой встретится мне сегодня.

Филипп Филиппович Герасимов, советский лётчик. Ветеран Великой Отечественной войны, про которого можно книги писать.

Когда его самолёт подбили при выполнении задания, он был вынужден посадить его, взорвать и примкнуть к партизанам. С ними Герасимов продолжал борьбу с фашистами до возвращения в полк. Затем сбили его ещё раз. Он попал в ледяную воду Черного моря, но его спасли.

В 1942 году был удостоен звания Героя Советского союза. К этому времени у него уже было около трехсот боевых вылетов. А после всё завертелось – пьяный дебош, штрафбат, две десантные операции на Малой Земле и в Новороссийске. Вернулся в полк и продолжил летать.

После войны, за очередной проступок был снова разжалован и лишен звания Героя. Получил тюремный срок, но вышел раньше. А вскоре восстановился и продолжил службу на наземной должности. И звание Героя ему вернули.

– Ты чего засмотрелся? – отвлекла меня Женя. – Узнал этого человека?

– Да, про него в музее училища сказано, что он Герой Советского Союза.

– Здорово. Ну что ты думаешь, по поводу Белогорска?

– Честно скажу, я не горю желанием здесь оставаться. Может это тяга к чему-то новому...

– Или романтика войны? – стала серьезной Женя.

Может и так. И ведь знаю, что в войне нет ничего хорошего. Видел и прочувствовал всё на себе. И всё равно тянет.

– Не всех отправляют в Афганистан. Тем более, сразу...

– Но ты собираешься служить там, где это возможно с большей степенью вероятности? – перебила она меня, подойдя ближе.

– Я не могу тебе ответить на этот вопрос.

Женя отвернулась в сторону, вытирая выступившую слезу, и пошла к морю.

– Жень...

– Я люблю тебя, Серёжа, – сказала она, повернувшись резко ко мне. – И как любая любящая девушка, жена или невеста... в каком я сейчас для тебя статусе?

– Девушка и...

– Вот именно. Непонятный у меня статус, – подошла она вплотную, схватив меня за нос. – Так вот, я не хочу тебя потерять в стране, где кроме гор, полей мака и войны нет ничего. Твоя жизнь здесь, а не там.

– И не потеряешь. Я ж заговорённый! – крепко обнял её и прижал к груди.

Мы стояли так несколько минут, прежде чем Женя успокоилась и готова была снова говорить.

– Короче, Родин. Я буду с тобой, где бы ты ни был. Восток, Запад, пустыня или Сибирь – мне неважно. Куда скажешь, туда я и поеду. Всё перенесу, будь ты рядом, – сказала она. – Но обещай мне, что ты никогда не попросишься на войну сам.

– Да, мой генерал! – выпрямился я в стойку.

– Ну, и было бы неплохо, если такие... «райские» места для службы не на постоянку, договорились?

Конечно, я был согласен с такой постановкой вопроса. Осталось только мне принять важное решение – хочу ли я связать себя с Женей узами брака?

Предложение сделать Жене я действительно хочу. Да только момент надо подобрать, а тут ещё этот казарменный арест для всего взвода. В увольнение не пускают, кроме одного Рыжова. Ну не будет же он за меня делать предложение?

– Что мне нужно купить? – удивлённо спросил Тёмыч, сидя напротив меня на кровати в казарме в обед понедельника.

– Кольцо, Тёмыч. Штука такая круглая с дыркой посередине, – проводя перед ним в воздухе окружность.

– И чего? Сам сходи купи.

– Пфф, ну ты балбес, Тёмыч! – воскликнул с соседней со мной кровати Макс. – У нас с увольнениями сейчас плохо. Лишний раз попадаться в самоходе тоже не хочется. По головке не погладят.

– Ну, так бы и сказали. Чего сразу балбес? – негодовал Артём.

– Слушай сюда, – сказал я ему, рассказывая весь план.

Для Рыжова всё проще некуда. Пойти купить, мне принести, Свете не сказать. Всё очень просто. Единственный минус – это сам Тёмыч. У него талант косячить перед Светой, и она к этому, похоже, привыкла.

Следующий день – предварительная подготовка к лётным сменам. В этот раз нам предстояло отработать наведение на воздушную цель.

– Всё просто. Взлетаем друг за другом или как нас отправят, – рассказывал Швабрин, рисуя на доске пилотажные зоны. – До зоны доходим, как и обычно. Далее? – кивнул он в мою сторону.

– Перешли под управление дальней зоны. Выполняем команды по наведению. Сначала в переднюю сферу, затем в заднюю. В эфир отмечаем условный пуск каждой ракеты.

– Хорошо.

Швабрин продолжил повторять основные действия с оборудованием кабины. Особо он остановился на выводе из атаки.

– Условно пустили ракету. При загорании лампы «Пуск» пускаете раз, пускаете два, и выход из атаки. Позже нельзя, поскольку ждать в своей кабине загорания «Выход из атаки» я не хочу. Что у вас загорится в этот момент, Тёмыч?

– Тоже «Выход». А зачем его ждать, действительно?

– Потому что некоторые ждут, а потом инструктора седеют быстро, от слишком быстрого рассмотрения сопла напарника, – ответил Фёдорович. – Родин со мной летит в первом залёте, а также Бардин. Ты, Костя, на одноместном ПФМе полетишь. У него как раз поменяли фонарь.

– Иван Фёдорович, разрешите мне в ПФМ? – попросился я в кабину своего «кабриолета».

– Со мной полетишь. Ты уже нормально полетал одиночно. Дай другим, Серый, – улыбнулся Швабрин.

– Правда, Серёга. Не жалуйся, что тебе не дают нормальный самолёт. Ты и на модификации ПФ полетал, и на версии Ф-13, – негодовал Костя.

– Да я не против. Просто спросил.

Вечером мне удалось упросить Реброва дать мне увольнительную. Я честно сказал ему, зачем мне нужно попасть в город, и был понят правильно. Ну, почти.

– Родин, и ты туда же за Рыжовым? Или думаешь, если женишься, будешь в увольнение ходить постоянно? – спросил он, раздумывая над подписанием увольняшки.

– Товарищ подполковник, всё взвесил и решил. Выбор осознанный.

– Ах, осознанный! Сначала ты из-за какой-то девушки дерёшься, потом в нашей подшефной школе подкатываешь какой-то... Чего ржёшь? – рыкнул он на меня, когда я не удержался от смеха.

– Гелий Вольф... товарищ подполковник, вы не поняли...

– Чего не понял? У тебя то одна, то другая, на свадьбе Рыжова со свидетельницей зажимался? Не ври, что не было у вас продолжения, – сказал Ребров, но я продолжал еле задерживать свой смех. – Теперь вот ещё одна? Сколько дней встречаетесь вы с ней, а?

– Почти четыре года, товарищ подполковник, – успокоившись, ответил я.

Ребров надул губы, и замер от неожиданности.

– Вот это вот всё, что я перечислил, это про одну и ту же девушку?

– Так точно. Евгения Горшкова, она самая.

Комэска почесал затылок и принялся заполнять увольнительную. Закончив с написанием, он встал и подошёл ко мне.

– Держи. Если всё так серьёзно, то совет да любовь вам, – сказал Ребров и пожал мне руку. – Беги быстрее, пока не передумал.

Я поблагодарил Вольфрамовича и пулей вылетел из его кабинета. Времени у меня немного. Предполётный режим нарушать нельзя, но завтра мы летаем во вторую смену. Можно спокойно лечь чуть позже и выспаться.

Глянув уже перед КПП на свой документ, приятно удивился щедрости комэска. Время прибытия в ней было обозначено –восемь ноль-ноль. Классный подгон от командира.

Тёмыч как раз должен мне был поднести кольцо, которое я ему заказал. Он пришёл ещё и с цветами. Что касается кольца, то у одного армянина на рынке были ювелирные украшения из Прибалтики. Рыжов предложил именно там взять кольцо.

Тем более, что он слышал от Светы, что ей сказала Леночка Петровна, что ей сказала ещё какая-то подружка, что Женя обмолвилась о колечке с названием «Поцелуйчики». Источники этой информации, конечно, очень «надёжные», но по цене мне и не достать ничего легального дешевле этого украшения. Цена в двадцать восемь рублей была вполне себе подъёмная для меня, хоть и почти в два раза больше моего курсантского денежного довольствия.

К дому Жени тоже шёл очень быстро, а в подъезд практически вбежал. Лифт предательски закрылся, совсем немного не дождавшись меня. Правильно, Серый! Принцесса в башне, а значит, иди пешком.

Бежал я по лестнице очень быстро, да так, что лифт ехал со мной почти вровень. Символично, что когда достиг нужного этажа, подъемник остановился тожена нём.

Вот и я у двери своей девушки. Можно позвонить и только потом войти, сделав таким образом сюрприз. Но лучше тихонько и сделаю сюрприз ещё более внезапным.

Однако, дверь не поддавалась мне и была намертво закрыта. Стучусь. Не похоже на Горшковых, которые редко закрывают дверь, когда находятся в квартире. Может, дома нет?

– Ой, Серёжа! – кинулась ко мне Женя, открыв дверь. – Цветы! Спасибо! Давай заходи.

Войдя в квартиру, я заметил, что в ванной шумела вода. Похоже, Женя только что пришла откуда-то и решила принять душ. Это я вовремя! Могу и присоединиться к ней.

– Мне кажется, я пришёл в самый подходящий момент, да? – спросил я, прижимая к себе девушку.

– Ну, не совсем, – сказала Женя, убирая цветы на трюмо.

– Женя, ну ты скоро? Сколько тебя ждать можно? – послышался мужской голос из ванны.

Глава 7

Сейчас во мне просыпался настоящий зверь. Губы затряслись, кулаки сжались, адреналин поднялся до запредельных размеров. От услышанного в квартире, Женя и хозяина голоса, находятся в буквальном смысле слова в смертельной опасности.

– Женя, побыстрее. Я жду, – повторил из ванной будущий покойник, которому осталось жить совсем немного.

– Это что... кто там у тебя? – спросил я, но ответа слышать не хотел и устремился к своей цели.

– Серёжа, это не то, что ты подумал, – завела стандартную фразу в таких случаях Женя.

Конечно, не то! Мужик в ванной, вода бежит, дома никого, ещё и дверь закрыта, чего раньше не замечалось. Сейчас посмотрим на того, кто себе приговор подписал.

Открыв дверь, я совершенно потерял контроль. Рядом с ванной... нашей любимой с Женей ванной! Именно здесь стоял засучивший рукава Баля.

– Какого лешего тут происходит? – вскрикнул я.

– Сергей, спокойно, – начал успокаивать меня Алексей.

Вот это он зря! Крайние слова в жизни мог бы и другие подобрать. Лицо у меня пылало огнём, зубы скрипели, а сердце внутри вот-вот выскочит от повышенного возбуждения. Хотя, это больше похоже на ярость!

– Серёжа, остынь и опусти руку, – сказала Женя, цепляясь за мою правую кисть.

Я уже занёс руку, чтобы начать бить Баля, но моя девушка всем своим небольшим весом навалилась на неё, не давая начинать работать. Зря, у меня и вторая есть рука.

– Он пришёл помочь. Кран потёк, – продолжила Женя, показывая мне гаечные ключи, которые она принесла Алексею.

– Ой, быстрее же надо, – сказал Алексей, взял из её рук инструмент и полез под ванную.

Пока он там крутил, я старался контролировать температуру своего кипения. Сложно сейчас вот так взять и принять тот факт, что фраза про «не то, что подумал» здесь оказалась к месту.

И правда, мне Женя никогда не давала поводов для ревности. Зря я вот так взорвался, ведь даже не разобрался, а с кулаками почти полез на Баля.

Вот именно! Какого чёрта он тут делает?

– Женя, а вот у меня вопрос. Только ответь на него быстро и, желательно, правдиво, – сказал я, когда мы вышли с ней из ванны.

– Серёжа, у нас потёк кран. Мама пошла к Баля в гости. Я ей позвонила, чтобы она подсказала, как вызвать слесаря. Ну и они там решили, что сейчас уже закончился рабочий день, но мужика они пришлют.

– Прислали единственного из мужиков, которого я рядом с тобой видеть бы не хотел, – злобно сказал я, войдя на кухню.

– Уж извини, вариантов они мне не предложили. Выгонять с порога я не стала. Неприлично, знаешь ли.

– Ага, оскорблять тебя и подговаривать шпану пробить мне голову – прилично.

Женя улыбнулась и подошла ко мне поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.